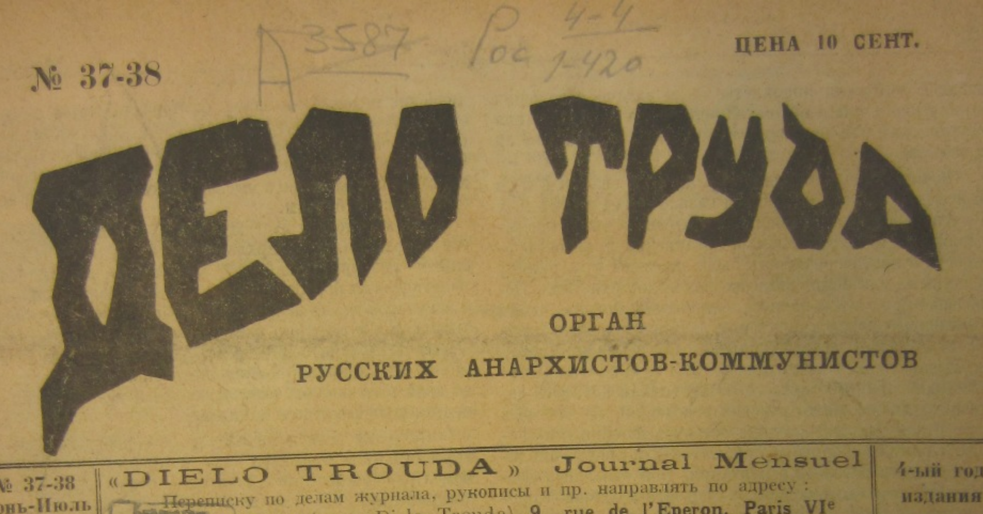
№ 37-38

ЦЕНА 10 СЕНТ.

ОРГАН
РУССКИХ АНАРХИСТОВ-КОММУНИСТОВ

№ 37-38 Июнь-Июль 1928 г.

«DIELO TROUDA» Journal Mensuel
Переписку по делам журнала, рукописи и пр. направлять по адресу:
Mr G. Franssen (pour Dielo Trouda) 9, rue de l'Eperon, Paris VIe

4-ый год издания

Трехлетие Дела Труда

Русское анархическое движение переживает мучительный процесс идеологического и организационного искательства. Там, в России, наше движение, раздавленное происшедшими событиями и грубой силой большевистского цезаризма, постепенно начинает оправляться, приходить в себя и, опираясь на жестокий опыт последнего десятилетия, стремится встать на базу конкретной революционной деятельности, стремится получить в свои руки подлинно анархическую программу, отвечающую реальным потребностям эпохи и реальным интересам порабощенного и борющегося труда.

Здесь, заграницей, наша мысль прикреплена к тому же. Если анархическое движение ряда европейских и американских стран, не переживших этапа социальной революции, и продолжает находиться в старом традиционном положении, при старых абстрактных лозунгах и расплывчатых формах борьбы, — то мы, русские анархисты, видим и сознаем, что движение наше не сможет развиваться, не преодолев в себе тех недостатков идеологического и организационного порядка, которые были вскрыты в процессе русской революции и которые послужили одной из основных причин распада нашего движения в России. Нахождение этих недостатков в нашей теории и практике, преодоление их, выпрямление нашей политической линии и укрепление нашего идеологического и тактического фронта, составляет насущную жизненную задачу дня.

И над этой задачей упорно и мучительно бьется наша мысль, как в России, так и в разных странах заграницей, где имеются ячейки русского анархического движения.

Однако, не в одинаковых условиях находятся отдельные работники русского анархического движения. В то время, как наши товарищи, находящиеся в СССР, не имеют возможности ни собираться, ни публично обсуждать вопросы анархического движения, — мы, находящиеся заграницей, имеем полную возможность для этого, — было бы только желание, сознание своего долга, любовь и преданность движению.

Это различие в политической обстановке накладывает и различные обязанности. Нельзя требовать от наших товарищей в СССР, живущих в невероятных условиях политического гнета, сыска и надзора, законченной разработки и освещения наиболее жгучих программных вопросов нашего движения. Но можно и должно пред'явить эти требования тем из нас, кому посчастливилось уйти из сферы большевистского уловления и получить возможность устного и печатного обсуждения этих вопросов.

Таким образом, силою обстоятельств, большая, а может быть и преимущественная часть организационной работы (понимая подъ этимъ термином не только организацию анархических сил, но и приведение в законченную систему программных вопросов движения), падает сейчас на нас — русских анархистов за рубежем. Вполне, поэтому, основательны и понятны замечания наших товарищей из СССР о том, что в вопросе организационного строительства они возлагают большие надежды на находящихся заграницей русских анархистов, — участников революции.

Необходимость глубокой проработки нашей программы и перестройки наших организационных рядов отчетливо сознавалась многими нашими товарищами уже в 1920-21 г. г., после поражения и ликвидации властью анархического движения по всей территории СССР.

Накануне высылки заграницу первой партии анархистов в 1921 г., анархическое мнение в России возлагало определенные надежды на то, что высылаемая группа, по прибытии заграницу, приступит к выполнению той задачи, к которой, по условиям режима, не могли приступить ос-

тавшиеся в России анархисты — к задаче освещения анархического опыта в русской революции и сплачивания анархических сил на почве этого опыта. Выполнена ли эта задача?

Отчасти, да, хотя не сразу, не теми силами и не в том порядке, как это думалось и казалось нам в 1921 году в России. Господствовавшие среди русского анархического движения идеологическая и организационная бесформенность и противоречивость были завезены и заграницу высланными или бежавшими из России анархистами. Потребовался ряд лет и процесс *внутренней* борьбы, чтобы поставленные перед анархизмом задания облечь в плоть и кровь, отыскать вехи дальнейшего пути нашего движения. Издававшиеся в Берлине в 1923 г. «Рабочий Путь» и «Анархический Вестник», хотя и стремились в своей работе исходить из опыта русской революции, — все же в большей или меньшей степени остались пленниками старой абстрактной формы анархической или анархо-синдикалистской пропаганды и агитации. Они оказались бессильными взять быка за рога, — подойти к основной проблеме наших дней, — проблеме организационной, и взять на себя инициативу ее формулировать. Это обесплодило названные издания, лишив их остроты злободневности и первостепенной важности.

«Дело Труда» родилось на недостаточности этих изданий и на учете их ошибок, так-же, как и ошибок всего нашего движения в русской революции.

«Дело Труда» могло бы совсем не рождаться, не должно было бы родиться, если бы оно не поставило своей задачей изучить самым полным образом организационную проблему анархизма и сделаться в то же самое время боевым, актуальным органом революционного анархического движения. Мы вправе теперь сказать, что та и другая задача, взятая на себя журналом, в известной мере выполнены.

В лице журнала «Дело Труда», русский анархизм имеет орган, который в течение трех лет активно служит поставленным революцией проблемам. Наиболее существенные вопросы нашего движения — вопросы программы, тактики, социальной политики анархизма — если не разрешены, то поставлены в порядке дня. В качестве первых, *предварительных* шагов организационного строительства, Группа «Дело Труда» выдвинула проект Организационной Платформы, содержащей в себе определенный план сплочения и об'единения наших сил. Она поставила вместе с тем вопрос об общей анархической программе и общей анархической организации.

«Дело Труда» заострило эти важнейшие проблемы, разносторонне осветило их, и можно быть уверенным, что всюду, где анархическая мысль не замерла, проблемы эти стали предметом оживленного обсуждения и в то же самое время дальнейшего направления нашего движения в целом.

Однако, этим не исчерпываются задачи и характерные особенности «Дела Труда» Не менее важной и ценной стороной журнала является его актуальный, действенный, политически-злободневный — в анархическом смысле — характер. Обычно, слабой стороной наших периодических изданий являлась их оторванность от событий, от вопросов текущей действительности, их неучастие в злобах дня социально-политической борьбы рабочего класса. Среди некоторых, правда, наиболее запутавшихся анархистов, даже сложилась мысль, что анархизму нет дела до политической борьбы.

Взяв за догмат пустую фразу о, якобы, неполитичности анархизма, эти анархисты валили в одну кучу и партийно - политическую борьбу *за власть* и революционно-политическую борьбу рабочего класса *против капитала и государства*, не видя или не понимая того, что борьба анархистов и рабочего класса против государства есть в огромной степени политическая борьба и что эта борьба *обязывает* анархистов принимать определенное участие во всех не только экономических, но и политических моментах борьбы труда с капиталом.

Об'являя всякую политическую борьбу «политикой», эти анархисты проходят мимо многочисленных, жгучих моментов борьбы труда с капиталом и удаляются под сень абстрактных, ни к чему не обязывающих фраз.

Наши противники, гл. образом, социалисты государственники только радовались такому положению дел в наших рядах. Они посмеивались себе в бороду, видя, как наиболее непримиримые их противники - анархисты «своею собственной рукою» сбрасывают себя, как политическую силу, с весов истории.

Против такой, поистине жалкой, роли анархизма в политической борьбе рабочего класса «Дело Труда» восстало сразу. С первого момента своего возникновения оно, наоборот, подчеркнуло необходимость самого полного освещения местной и международной политики буржуазии, социалдемократии, а также большевизма, разоблачения их скрытых, направленных против трудящихся, политических махинаций; подчеркнуло необходимость выявления политических задач, стоящих перед рабочим классом и отвечающих делу их социально - политического освобождения. Из номера в номер, «Дело Труда» идет по пятам классовых и политических врагов трудящихся, вскрывая их гнойники, и на живых, конкретных фактах стремится внедрить анархическое мировоззрение и практические выводы анархизма в сознание трудовых масс. И если последнее не всегда достигается в такой именно форме, то причиной тому является исключительно недостаток, порою острый, литературных работников журнала. В лице «Дела Труда» анархическое движение имеет одну из немногих попыток слить анархизм с жизнью и на почве этого слияния творить анархическую практику.

Многие близкие и отдаленные читатели «Дела Труда» — анархисты учитывают и ценять эту сторону журнала, подчеркивая ее огромную важность для дальнейшего развития всего анархического движения. Целый ряд рабочих организаций, главным образом, сев.-американских, сознавая важность производимой «Делом Труда» работы, прилагают огромные усилия для обеспечения его постоянного выхода. И, действительно, лишь благодаря самоотверженному служению этих организаций, «Дело Труда» вступило в четвертую годовщину своего существования. И мы уверены, что наше движение возродится и окрепнет на таком именно основании; что скоро, очень

скоро для большинства работников русского анархизма станет ясной позиция «Дела Труда», как наиболее верная и здоровая позиция анархизма в нашу эпоху. Они — эти работники, отделенные от нас расстоянием и пограничными заграждениями, поспешат на помощь журналу, находящемуся лицом к лицу перед многочисленным и хорошо вооруженным противником и потому остро чувствующему недостаток в литературно-политических или научных силах анархизма.

Пусть враги анархизма, особенно те, на чьей совести многочисленные удушенные жизни анархистов, не радуются временной слабости анархических рядов. Русский анархизм уже преодолевает свои внутренние затруднения. Он уже выявил свою *волю к организации* и активному вмешательству в ряды борющихся социальных сил. Четвертая годовщина, в которую вступает «Дело Труда», служит порукой тому, что в недалеком будущем он эту волю закрепит и осуществит в полной мере.

„Самокритика" и борьба рабочего класса за свободное слово

Когда большевистская власть сообщает о каком либо очередном своем «либеральном» или «демократическом» постановлении, то причину этого постановления следует неизменно искать в давлении тех подпочвенных сил, которые постоянно живут в рабоче-крестьянских низах. Так было с лозунгом «лицом к деревне», с ориентацией на беспартийных, с лозунгом «оживления советов» и т. д. Во всех этих случаях большевизм лавировал и вертелся под напором рабоче-крестьянской подпочвы. И во всех этих случаях было больше партийной политики, партийной дипломатии, партийного надувательства, чем честного, добросовестного отношения к тем массам, на спине которых эта власть сидит. Оно и понятно: нет власти, которая бы не строила своих отношений к массам на обмане *в самом основном* — на похищении у них им одним принадлежащего права на их труд и на присвоении их функций общественно хозяйственного самоуправления. Из этого основного обмана вытекают и все остальные обманы, из которых складываются отношения любого правительства к подчиненному им народу.

Новейший лозунг «самокритики» не представляет в этом отношении никакого исключения. Кому неизвестно, что в течение всех лет своего царствования большевики всеми силами старались привить сознание непогрешимости основ своей власти? Что всех сомневающихся в этой непогрешимости они так или иначе беспощадно выводили в расход? И, вообще, самый принцип, самый дух диктатуры, а большевистской в особенности, не может терпеть таких вещей, как критика или самокритика. И если тем не менее высшее правительственное (оно же и партийное) учреждение — Ц. К. партии — делает постановление о необходимости расширения самокритики, то это является лучшим показателем напора рабоче-крестьянской массы на власть с одной стороны и обхода властью этих масс — с другой.

В чем же смысл этого постановления и к чему оно клонится?

Нет никакого сомнения в том, что последние годы идет процесс сплочения рабочих масс на почве их борьбы с хозяином-государством. Десять лет «словесного социализма», обещания, что вот он, идет, надвигается социализм, и десять лет *фактического рабства* должны были сделать свое дело. Жизнь убедительнее всякого рода партийных посул и словесных восхвалений, которыми большевики кормят рабочих, выжимая из них «прибавочную стоимость» по системе Тайлора.

Многолетняя борьба рабочего класса в условиях «рабоче-крестьянской» власти, борьба путем стачек за заработанный кусок хлеба, за повышение зарплаты, борьба безработных за существование, борьба с протекционизмом чиновников сов. аппарата — на опыте показали трудящимся враждебную им сущность режима партийной диктатуры.

Эта сущность свелась к тому, что над всем рабочим классом СССР, также, как и крестьянством, постепенно и прочно укрепилось новое господское командное сословие. Широкая народная рабочая масса с одной стороны и неработающая, но «управляющая», командующая группа коммунистов — с другой, — таков лик «социалистического» общества большевиковъ. При том, коммунистическое дворянство очень быстро стало разлагаться. Не довольствуясь общей диктаторской ролью, оно местами стало прорываться актами дикого произвола в отношении населения. Такова, например, «смоленская панама», где произвол, как со стороны представителей государственной власти, так и со стороны фабрично-заводской администрации, до такой степени возбудил общественное мнение рабочих, что центральная советская власть поспешила отгородиться от многочисленных своих ставленников в этой губернии. Для успокоения возбуждения она прибегла даже к снятию «с работ» таких вельмож, как председатель губернской контрольной комиссии, секретарь смоленского городского комитета, члены комисси и заведующие различными делами управления. «Руководящие органы губернии — писала по этому делу Центральная Контрольная Комиссия — ничего не делали в течение ряда лет, чтобы выявить и вскрыть преступления, оторвались от рабочих масс, создали зажим в организации... не сигнализировали партии о тяжелом положении в губернии, по «семейному» решали дела о преступлениях ответственных работников, выгораживая виновных... Ряд руководящих работников губернии разложился, дискредитируя своим поведением партию и советскую власть».

Разложился! — Это удобное для большевистской власти словечко во всех тех случаях, когда она, в целях обеления себя, стремится свои преступления переложить на других — на «стрелочников компартии». Но ведь эти «разложившиеся», как установила сама Центр. Контр. Комиссия, *в течение ряда лет* держали в своих руках рабочее население целой губернии. И держали не самовольно, а по праву, предоставленному им партийной дик-

татурой, одним из винтиков которой они являлись.

Подобные же «разлжения» обнаружились в Одессе, на Урале и в ряде других мест.

Мы уже писали (Д. Тр. № 35), что такое дело, как Шахтинское, могло возникнуть лишь в условиях абсолютной бесконтрольности советского хозяйства. Никогда бы оно и ему подобные не имели места в революционной стране, если бы рабочий класс имел контроль над производством и право управления им. Эти контрреволюционные заговоры являются законным детищем все того же повсеместного разложения большевистских методов управления страной. А история с безработными? По отчетам центральных органов Профсоюзов, число безработных на 1-ое янв. 1928 г. достигло 2 миллионов человек. Протекционизм на биржах труда воцарился повсеместный. «Чтобы зарегистрироваться (на бирже труда), надо затратить одну неделю, две, а для чернорабочего иногда и месяц. Протекционизма в посылке на работу не оказывает лишь тот, кому этим делом лень заниматься». (Доклад наркомтруда Шмидта на заседании IV пленума ВЦСПС).

Что же страшнее для судеб рабочего класса? То ли, что отдельные ставленники компартии «разлагаются» до того, что некоторые из них, держа в терроре всю округу, начинают заговариваться и величать себя «хозяевами района»? Или же более страшным является *общее бесправие* рабочих и крестьян, их полная зависимость от воли нового дворянского сословия — коммунистов? Нет сомнения, — последнее куда опаснее первого. Ибо безобразия первого порядка, всяческие «разложения» руководителей советского аппарата и советской общественности проистекают исключительно из бесправия рабочего класса, из факта его зависимости от группы партийно - государственных чиновников.

Это отлично сознают широкие рабочие массы, поэтому свою критику они обращают уже не против отдельных «разложившихся» ставленников ВКП, а против самое ВКП в целом, против неслыханного засилия нового командного класса дворян - коммунистов. Отсюда и явился на свет последний тезис Ц. К. партии о расширении «самокритики», введении «подлинной выборности» профсоюзных органов. Речь идет не более, не менее, как о «рабочей демократии». И вот тут то и возникает вопрос, — чего же, собственно, хотят достичь большевики этим своим постановлением о самокритике? Никто, конечно, ни на минуту не допустит мысль, что они искренни в этом своем шаге, что они вдруг воспылали любовью и уважением к правам рабочих. Маневр. Но в чем его суть? Сами большевики отчасти его раз'ясняют. Оказывается, в их среде имеются сторонники и противники тезиса о самокритике. Противники этого тезиса говорят приблизительно следующее. — Несомненно, в нашем хозяйстве имеется ряд дефектов, некоторые «неувязки». Но говорить о них, значит давать оружие в руки антипролетарским силам сейчас, когда контр-революция особенно подняла голову (статья Слепкова в «Правде»). Этим большевистским толстодумам даже не приходит в голову мысль, что знать правду о всех образовавшихся гнойниках советского режима необходимо не антипролетарским элементам, а рабочему классу. Здесь они только лишний раз показывают, сколь меньше всего ими принимаются во внимание право голоса и интересы пролетариата при обсуждении и решении основных вопросов хозяйственного строительства.

Сторонники «реформы» умнее толстодумов. Они разбивают последних, но одновременно проливают еще больший свет на самую «реформу». От лица их выступил «сам» Сталин. «Теперь ярче, чем год или два тому назад, вскрылось наличие подкопной работы классовых врагов советской власти, использующих нашу слабость, наши ошибки. Нужно поскорее освободиться от ошибок, если мы не хотим быть застигнутыми врасплох всякого рода «неожиданностями» и «случайностями».

Из приведенных слов Сталина видно, что большевики не в состоянии даже замолчать свои «слабости» и «ошибки» (смоленская панама, шахтинское дело, система держимордия в профсоюзах и т. д.), не в состоянии потому, что о всех них масса прекрасно осведомлена. Но в том и опасность, что прекрасно зная о целом ряде гнойников совсистемы, масса обсуждает их не открыто на глазах у власти, а где-то на задворках. Это пахнет подпольем, которое чревато «всякого рода «неожиданностями» и «случайностями», о которых говорит Сталин и против которых он предупреждает. Вывод из этого тот, что необходимо разрастающееся движение масс направить в безопасное русло.

Право критики, конечно, ограниченной, не смеющей касаться основ сов. власти, и право выборности профсоюзных органов рабочих, опять таки ограниченное «общим руководством» партии, и должны послужить таким отводным каналом.

По необходимости и в надежде, что им и на этот раз удастся свести на нет движение рабоче-крестьянской подпочвы, большевики пошли на опасную игру.

Удастся ли им эта игра? Очень сомнительно. Весь строй советской диктатуры держится на почве полного бесправия масс и беспощадного удушения их мнения. Среди рабочих теперь нет таких, которые бы этого не знали; точно также нет среди них таких, которые бы приняли большевистские «реформы» за чистую монету. Уж слишком долго и упорно сами большевики *делами* учили всех тому, чтобы не верили их *словам*. Русские рабочие на живом опыте большевистской диктатуры сознают то, о чем когда-то писал Бакунин: «Отсутствие постоянной оппозиции и контроля становится неизбежным источником нравственной испорченности для всех лиц, облеченных какойнибудь общественной властью».

***

Трудящиеся России переживают сейчас критический момент. Лживость догмы большевистской партийной диктатуры для них становится все более и более очевидной. Чувство возмущения против узурпаторов все более настойчиво проявляется среди них. Массы конкретны и реальны. Не ставя пока во весь рост вопроса об общей перестройке режима партийной диктатуры, они в настоящее время держат в своих руках одну важную сторону этого вопроса — необходимость свободного говорения, свободного обмена мнений свободного освещения трудя-

щимися различных сторон диктаторского режима, давно в своей основе для них развенчанного. Как бы того не хотелось диктаторской власти, нельзя все же без конца держать в цепях ум и совесть трудящихся. Это теперь сознает каждый.

Вопрос о свободном пролетарском мнении и свободном пролетарском слове вступает в стадию, когда это свободное мнение и слово становятся не только жизненной необходимостью, но и *практическим требованием дня* борющегося труда.

Власть уже бессильна отвертеться от этой необходимости — бессильна даже замазать ее своими иезуитскими софизмами. Самое большое — она может исказить эту потребность, выпотрошить ее душу, заменив казенной словесностью, что власть и делает. В этом — критический момент для рабочих масс. В этот момент на анархистов падает большая ответственность. Они должны быть среди трудящихся и употребить все свои усилия на то, чтобы помочь последним правильно и полностью выявить *смысл* их требования свободного слова. Никакое мнение нельзя урезывать, делить на части. *Мнение неделимо.* Будучи разделено, оно является уже не мнением, а жалким лепетом раба.

Рабочий класс завоевал себе право на свободу своего полного мнения. Полное, неурезанное никакими нажимами или декретами власти, свободное мнение пролетариата нащупает все язвы нынешнего строя диктатуры и найдет путь для их удаления. Но именно, *полное мнение*, а не пол мнения, не четверть мнения. В этом задача дня. И на осуществление ее должны быть направлены совместные усилия анархизма и рабочего класса.

П. Аршинов.

Наглядный урок

Шахтинский процесс еще не закончен*). Политический ход Сталина, на который он вынужден пойти, борясь против правой группы Рыков-Калинина, случайно вскрывает глубокий гнойник, выросший на почве русской действительности. Еще придется вернуться к этому делу, чтобы помешать русским хозяйственникам затемнить основной смысл этого доказательства отсутствия в России рабочего контроля. Сейчас же отметим лишь попутно, что, в свое время, главные подсудимые чествовались, как истинные вершители под'ема русской промышленности. Французская делегация, вернувшись с октябрьских торжеств, не находила достаточно слов, чтобы восхвалять речь донбасовского инженера, приветствовавшего ее во имя смычки «науки и труда»; имя этого оратора, инженера Березовского, гремит сейчас по столбцам казенной печати; оказывается он теперь мучителем украинских горняков, наравне с Калгановым и прочей братьей, получившей в дни десятой годовщины грамоты «почетных шахтеров» и «героев труда». Припертые к стене истиной, делегаты коммунисты и их приспешник, бывший анархист Коломер, крепкие задним умом, теперь припоминают, что действительно шахтеры речи этих героев встречали довольно прохладным молчанием. Молчание «диктаторов» — шахтеров не заинтересовало в свое время самозванцев - делегатов.

Русским рабочим оно понятно Они знают, что даже коммунисты - выдвиженцы, пртестовавшие в лице, например, техника Довненко на шахтинских рудниках, подвергались наказаниям и репрессиям.

Иностранным же пролетариям положение станет яснее благодаря делу Краузе, недавно оглашенному в германской профсоюзной печати. Свои сведения печать эта почерпнула и точно перевела из «Труда» от 6-го и 8-го мая 1928 г.

В 1923 году ряд немецких коммунистов, высококвалифицированных рабочих мечтали применить свои способности производственников в России. Фанатики коммунисты, любящие и знающие досконально и всесторонне свое ремесло, они хотели служить государству, которое казалось им государством рабочих. После тщательного отбора, долгих переговоров с трестами, пятеро из них выехали в Россию. Это не были революционные романтики, рисовавшие себе страну молочных рек с кисельными берегами; истина о судьбе русских рабочих хоть медленно, но просачивается заграницу. Все же эти рабочие коммунисты надеялись на свои знания, на свои нервы, а главное на свою братскую партию ВКП, чтобы победить трудности, на которые они не закрывали глаза. Однако, четверо из них не смогли выдержать пятилетнего срока договора и через несколько месяцев вернулись в Германию. Восемь месяцев держался один из них, инструментальщиком на московском заводе Динамо и тоже отступил, вернулся на родину. Наиболее стойким оказался Краузе, мастер точильного цеха, работник фарфора.

В немного торжественном тоне пишет он, что ехал в Россию не ради выского оклада, а «в качестве пролетария и рабочего пионера, чтобы помогать СССР в его строительстве». Краузе испытывают на заводе «Изолятор» в Москве. Он устанавливает новый метод работы на станке, который, увеличивая число рабочих втрое, подымает произвдительность в сто раз.

Краузе посылают на разрушенный Славянский фарфоровый завод поставить производство изоляторов для высокого напряжения. И вот здесь то начинает выявлятьтся разница взглядов между русскими хозяйственниками и Краузе. Краузе понимает, что человек, обслуживающий машину, по меньшей мере такое же важное орудие производства, как какой нибудь резец, шестерня или гайка. Как хороший производственник, он не просто гоняется за повышением производительности; он учитывает еще, как это повышение отзывается на рабочем; он вводит так называемый «мокрый» способ обработки, удаляющий пыль, уносящую столько фарфорщиков в могилу после туберку-

*) Статья была написана накануне окончания Шахтинского дела.

лезной агонии. Рядом с этим он обучает фабричную молодежь новым методам работы. Здесь он ударил по классовым интересам интеллигенции. Пока он просто увеличивал производительность, он был хорош; стоило ему попытаться ввести в тайны производства рабочих, как начались столкновения с администрацией.

Лучше всего их описывает сам Краузе в письме, опубликованном в «Труде» от 6-5-28 и озаглавленном газетой: Контроль без права контролировать.

«В ноябре — пишет далее тов. Краузе, — мы получили от треста распоряжение организовать и производственный контроль, который наблюдал бы за производством, с целью устранения замеченных недостатков. Я был назначен дирекцией контролером на здешнюю фабрику. Я принял эту новую работу, так как считал, что смогу помочь производству. Хуже всего у нас работает отдел печей, где бывает больше всего лома (в феврале процент лома был 36, а бывают печи с 47 проц. лома). Но сейчас же я встретил сопротивление со стороны управляющего отделом, и дело дошло до того, что *мне запретили вмешиваться в вопросы обжига*. Таким образом, дирекция определяет, что должен делать контролер, а то, что ей неприятно, то она исключает. В плане же отдела рационализации ВСНХ говорится обратное. Контроль, который находится в зависимости от дирекции, должен, конечно, молчать, чего я не мог делать, считая, согласно полученного плана, себя правым».

«Корзину с хлебом подвесили выше».

«Думаю, что этим и несколькими другими подобными случаями я повредил себе во мнении администрации. Ко мне было применено старое, но действительное средство: «слушайся, иначе корзина с хлебом будет подвешена выше». Мне был снижен оклад на 25 рублей, между тем, технические служащие получили прибавку.

И так в продолжении целых пяти лет. Я мог бы привести сотни таких примеров».

«Труд» добавляет: «И все это происходило на государственном, советском заводе, где есть ячейка, фабком, производственная комиссия...»

Да, все это было, и все это молчало, как молчит до поры, до времени связанный п рукам и ногам, с завязанным ртом русский пролетарий.

Труд повествует дальше

«И тов. Краузе не выдержал. В феврале он еще писал, что он готов и дальше помогать строительству и охотно переехал бы работать на какой либо другой завод. А в апреле он прислал второе письмо, в котором пишет, что срок его договора истек и он вынужден уехать в Германию. *У него нет ни сил, ни денег,* чтобы куда нибудь переехать.

«Мои нервы, — пишет он, — настолько истрепались, что, если бы мне пришлось поработать еще 5 лет в такой обстановке, как до сих пор, у меня бы для этого не хватило сил».

Профсоюзный органъ немецких рабочих фарфора, воспроизведя эту статью, напоминает об огромных заслугах Краузе в профсоюзной области, о том, что берлинские рабочие неоднократно выбирали его на ответственные должности в своем союзе; и реформисты справедливо, но ядовито вопрошают: Если таков опыт коммуниста, видного, ответственного партийного работника, каково же должно быть положение рядового русского рабочего и служащего?

Одно из важных преступлений русского правитель-

Чему учат нас прошедшие 10 лет

(О книге «Большевистская диктатура в свете анархизма»)

Итогов за прошедшее десятилетие в текущей литературе очень много; большевистские, конечно, представляют собою сплошное восхваление, антибольшевистские — сплошное порицание. В устах представителей антибольшевистских партий, критика является, обыкновенно, в то же время, и критикой самой попытки ввести в России социалистический строй, сразу после свержения царизма и без промежуточного периода буржуазного расцвета в экономике и парламентарного развития в политике. Такая критика, как бы она ни была богата фактами, в сущности ничего не дает для будущего; мало того, она даже закрывает для него все пути, потому что связывает неразрывно социализм с большевизмом и, показывая банкротство последнего, откладывает на какие-то неопределенные исторические сроки и осуществление первого. Анархисты, наоборот, всегда приветствовали социальные стремления и задачи октябрьской революции и указывали, что вина большевизма — не в том, что он попытался несвоевременно осуществить идеал социализма, а в том, что он избрал для этого путь, делающий это осуществление невозможным — путь якобинизма и диктатуры. Но в анархической литературе не было до сих пор цельной работы по этому вопросу, работы, где критика опиралась бы на многочисленные и убедительные фактические данные. Вышедшая только что книга существенно пополняет этот пробел.

Книга носит двойной характер: с одной стороны — изложение фактических данных, с другой — критика основных идей, положенныхъ большевиками в основу строительства, их представлений о том, чем может и должна быть социальная революция. Излагать фактическую часть мы не будем, а познакомим читателей только с главными выводами авторов.

Самый существенный вопрос, который каждый из нас ставит себе, когда хочет понять жизнь после-революционной России, это: осуществляется ли и как осуществляется в ней строительство социализма? Авторы обзора дают на это вполне определенный, отрицательный ответ. «*На деле, по существу,* а не по оффициальной прессе, не в утопиях, не в методологических исследова-

ства по отношению к рабочему движению состоит в том, что русский режим дает основание западным реформистам, палачам спартаковцев, при изучении некоторых сторон русской жизни слыть защитниками пролетариата. Им не удастся заставить забыть, что капиталистический строй, ничуть не меньше интеллигентской диктатуры душит попытки рабочих проникнуть в область организации производства.

Рабочим же коммунистамъ и даже некоторым из наших товарищей надо обратить внимание на другой вывод. Не раз в борьбе за разрушение и подрыв русского строя рабочие анархисты встречались с искренним советом прекратить «голую критику» и засучив рукава, практически, на деле показать, как же надо вести производство. Краузе проделал этот опыт в самых благоприятных условиях; результаты на лицо. Он сам пишет, что «мог бы привести сотни таких примеров». Рабочее творчество в рамках современных русских уславиях обречено на гибель; рамки эти не простые границы осуществимого в России в данной исторической и экономической обстановке. Пример Краузе лишний раз доказывает, что пролетарский почин в России бьется в искусно скованной стальной клетке, скованной усилиями враждебного пролетариату образовывающегося класса — интеллигенции. Чтобы производить для себя, рабочим, прежде всего, клетку эту надо разбить.

Н. Лазаревич.

Об „избирательных битвах" социал-демократов

Происходившие в этом году парламентские выборы в Германии и во Франции принесли победу социал-демократам этих стран. Правда, во Франции социалисты не выиграли лишних мест, но число поданных за них голосов увеличилось. Зато в Германии соціалисты настолько окрепли в Рейхстаге, что лидеры их могут, наконец, реализовать свою давнишнюю мечту, занять министерские кресла.

Но если Мюллеры и их братья довольны, то это еще мало удовлетворяет рабочий класс. Для него вопрос заключается в том, какую пользу может принести ему сотрудничество социалистов с буржуазными партиями, насколько министерская работа социалдемократов может приблизить его к социализму.

Известный лидер австрийских социал-демократов Отто Бауэр разбирает этот вопрос. Он глубокомысленно замечает, что «в капиталистическом обществе, где ни одна труба не дымится без прибыли, капиталистический класс всегда имеет возможность любому правительству навязать интересы своей прибыли, как требования производства... Мы знаем, поэтому, — выводит Бауэр, — как велика опасность, что коалиционное правительство явится не средством отстаивания важных классовых интересов пролетариата против буржуазии, *а лишь средством превращения самое рабочую партию в орудие экономического и политического господства буржуазии и тем самым поставить ее в антагонизм к пролетариату*».

В чем же видит выход из положения г. Бауэр? Он «советует» рабочему классу послать «свою партию» в коалиционное правительство, «лишь там и лишь тогда, где

ниях понятий, *строй советской диктатуры есть система капитализма* (стр. 26).

«Ни политическая, ни экономическая эксплоатация пролетариата и крестьянства не исчезли. Изменились формы эксплоатации: прежде она была просто капиталистической, ныне, под именем «рабоче-крестьянской» власти, «советского хозяйства» — она стала государственно - капиталистической». (стр. 27).

Почему же это так? Авторы указывают на некоторые внутренние, экономические причины, приведшие к такому положению.

Военный коммунизм, именно в силу того, что он был «военным», догматическим, не знающим и не желающим знать жизни и потребностей страны, привел к катастрофе, к голоду 1921 года, и сделал необходимым нэп, ставший источником глубоких противоречий. Во первых, экономическая жизнь оказалась построенной на двух противоположных основаниях: с одной стороны, на частном капитале, на частных предприятиях; с другой — на национализации всей крупной промышленности в руках централизованного государства, управляемого партийной диктатурой. Частное хозяйство подчиняется всем, установленным для капиталистических обществ, законам политической экономии: законам ценности, прибыли, прибавочной стоимости и т. д. Хозяйство государственное, единое на всю страну, основано на ином: на *учете* и на *плане*. Учет играет в хозяйственной деятельности советского государства огромную роль, но он не приводит к должным результатам именно потому, что не считается с фактом сохранения капиталистической собственности и вытекающими отсюда экономическими явлениями. Трудности созидания социалистического общества очень велики. Прежде всего, социалистическое общество нуждается в *большей сумме богатств*, чем общество капиталистическое: последнее заботится об удовлетворении потребностей только господствующих классов; остальные получают лишь крохи и лишь постольку, поскольку они необходимы для правильного хода капиталистической машины. В социализме же нет человеческого стада, человеческого материала и потребности *всех* должны быть удовлетворены. Эта высокая стоимость социалистического хозяйства требует большего напряжения сил, увеличения производительности труда, строгой экономии.

Правда, в России нет *фактически* социалистического порядка, но уже то, что она пережила революцию, поставившую себе целью не только политическое, но и экономическое равенство, создало в народе сознание *права* на такое равенство, а на выдвинутое революцией прави-

и когда»... одним словом, когда «буржуазия уже недостаточно сильна, а рабочий класс еще недостаточно силен, чтобы самостоятельно господствовать над республикой».

Тогда-де, думает Бауэр, буржуазия будет вынуждена уделять социалистам «реальную долю» власти.

При оценке нашей реакционной эпохи, все рабочие партии сходятся в том, что характерной особенностью ее является временная стабилизация капитализма, дающая возможность капиталистам безгранично властвовать. Говорить что *сейчас* в Германии буржуазия *уже* недостаточно сильна, чтобы «самостоятельно господствовать», и нуждается в помощи социал-демократов, никто не решится. Следовательно, по мнению самого Бауэра выходит, что теперешняя коалиция социал-демократов с буржуями превратить рабочую партию «в орудие экономического и политического господства буржуазии. Выходит еще, как будто, сам Бауэр считает сейчас неуместным сотрудничество социал-демократов с буржуями.

Здесь мы считаем нужным напомнить рабочим тот период в истории германского рабочего движения, когда Бауэровское «лишь там и лишь тогда, где и когда...», т. е. место и время возможного сотрудничества (по Бауэру) социал-демократов с буржуями были на лицо, когда действительно «буржуазия уже была недостаточно сильна, чтобы самостоятельно господствовать над республикой».

Тогда, во время германской революции, рабочий класс, почувствовав свою силу, вышел на улицу и начал строить баррикады. Тогда действительно германская социалдемократия поспешила заключить коалицию с буржуазией и Эберт, Шейдеман и Носке пачками расстреливали на улицах революционных рабочих и матросов. Это ли истинная коалиция соц.-дем. «рабочей партии» с буржуазией по Бауэру? Тогда действительно буржуи уступили социал-демокр. «реальную долю власти» и кровавыми руками друзей Бауэра были совершены каиновы убийства! Так-ли мы поняли апостола «сотрудничества», но только «в известных условиях» классов? По крайней мере, более яркого примера сотрудничества социал-демократов с буржуями мы не имеем, а этот пример международное рабочее движение должно помнить всегда.

Французские социал-демократы оказались на выборах менее счастливыми, чем их немецкие друзья. Лидер их Леон Блюм не только не мечтает о глубоком министерском кресле, но даже не выбран в парламент и был побит бесцветным коммунистическим кандидатом Дюкло. Вообще, коммунисты здорово расстроили планы социал-демократов во время выборов. Они поняли, что единственной возможностью удержать за собой революционные массы — это не блокироваться с социалистами, и удержали своих кандидатов во втором туре. Следствием этого было то, что многие социалисты кандидаты, мечтавшие о теплом местечке в Бурбонском дворце, вылетели в трубу. Взрыв негодования у соц-демакратов был огромный. Даже Брак, этот «крайне левый» Брак, вернувшись из своего избирательного округа, где он чуть не потерял депутатское место из за коммунистов, с ненавистью стал бросаться на коммунистов, с которыми он только недавно кокетничал. Ненависть социал-демократов за потери теплых парламентских местечек так далеко их завела, что сам побитый Блюм вынужден был выступить с увещеваниями: «Мы должны быть настороже, чтобы никогда не помогать на избирательной почве заведомым представителям фа-

---

тельство (т. е. на руководящую партию возложило обязанность с этим считаться. И, однако, в этом направлении было достигнуто крайне мало.

Авторы книги приводят богатый фактический материал, показывающий каково настоящее положение русской хозяйственной жизни и насколько она, если и не осуществила этого основного требования социализма, то приближается к нему.

Особенно интересен, в виду разнообразия мнений по вопросу о характере современной деревни и о путях ея развития, отдел, касающийся сельского хозяйства. К сожалению, совершенно оставлен в стороне вопрос о собственно земельных отношениях: сравнительных разногласиях землевладения общинного и частного, об эволюции того и другого, о максимальной и минимальной площади владения землею, о степени уравнительности землепользования, достигнутой в результате революции. Внимание авторов было, повидимому, обращено, главным образом, на те явления, которые служат об'ектом правительственной политики; крестьянской политике большевистской партии посвящен подробный разбор. Здесь, как и везде, авторы отмечают, в особенности, внутреннюю противоречивость поставленных задач. Власть постоянно стоит перед альтернативой: или поощрять переход середняков в кулаки и повышать общую доходность сельского хозяйства — но тогда нужно проститься с задачами социалистического строительства в деревне; или мешать такому обогащению — но тогда сократится посевная площадь и количество товарного хлеба, и станет невозможным вывоз его заграницу. Выход из этих противоречий возможен только при условиях подлинной социализации сельского хозяйства; в условиях нэпа его найти нельзя. Кроме того, выходу из положения мешает основная идея большевиков, неотделимая от всего их миросозерцания: гегемония города над деревней, пренебрежение интересами сельского хозяйства.

Но и городская промышленность не развивается так, как она должна была бы развиваться, чтобы дать населению дешевые товары и, в первую голову, чтобы дать все нужное деревне и тем обезпечить ей возможность производить хлеб не только для себя, но и для города. Порабощенное положение рабочих союзов, совершенно исказившее их нормальную роль и в рабочей жизни и в революционной работе; такое же подконтрольное положение кооперативов, оторвавшее их от населения и превратившее их в эксплоататорские учреждения — все это дополняет картину хозяйственной организации общества, целиком и последовательно построенного на принципе крайней

шистской реакции и хозяйского гнета. Мы должны бороться съ большевизмомъ и победить его нашей собственной деятельностью, при помощи нашей собственной доктрины». Нам неизвестно, удалось ли Блюму своим личным примером смирения побитого успокоить своих пылких соратников, которые в своей мести за потерянные местечки готовы были далеко пойти. Но интересно знать, что эти господа, эти «представители рабочего класса» делают в парламенте. Там они составляют оппозицию «его величества — капитала», оппозицию, как и подобает, смиренную и лойяльную. Они даже удостоились похвалы самого Пуанкарэ, который говорил, что хотя социалисты, мол, никогда и не подают за нас голоса, но «отказались от ожесточенных атак на нас». Бедняге Блюму в этой новой легислатуре уже не придется больше слышать таких похвал, но мы надеемся, что его друзей Пуанкаре еще долго будет хлопать по плечикам.

***

В Англии, как серьезно уверяет социалистическая печать, рабочая партия «готовится к великой избирательной битве». Мы могли бы таким образом ее спокойно оставить «вооружаться», если бы не одно характерное явление. Это единственная партия, в которой реакционная программа выборов вызвала оппозицию левого меньшинства. Во Франции и Германии левые меньшинства так заняты были охотой за парламентскими местечками, что ничем другим не занимались. Они огрызались только на тех, кто им загораживал путь к желанной цели. В этом отношении очень характерны резкие нападки крайне-левого социалиста Брака против коммунистов, с которыми он все время кокетничал и подчеркивал свою идейную близость к ним. В Англии же независимая Рабочая Партия, в лице своего лидера Мэкстона, подняла протест против самой программы выборов. Известно, что программа Независимой Рабочей Партии провозгласила лозунг: *Социализм для нашей эпохи* и поэтому, конечно, ей трудно помириться с программой Макдональда, рассчитанной на симпатии не столько рабочих, сколько мелкой буржуазии, лишь бы добиться власти. Нет никакого сомнения, что в неравной борьбе Мэкстона за социалистическую программу, с жаждущим только власти Макдональдом и «рабочими лордами», которыми успела обзавестись рабочая партия, победит реакционная сила бывшего премьера. Такова уже судьба всех социал-демократических партий, катящихся неминуемо и неудержимо все правее и правее.

***

Картина, которая получается от всех этих «великих избирательных «битв» социалдемократии, называющей себя «рабочей партией», до того безотрадная, что сам Вандервельде на одном докладе в Брюсселе указывал на опасность духовного вырождения социализма, вследствие его политической эволюции в строну государственности и бюрократизации.

Характерно, что Вандервельде видит противоядие этому в «мессианской» душе масс и в движении молодежи. Но из всех партий единственно ведь анархисты строят свою теорию на «мессианской» душе масс, т. е. на вере в то, что массы сами без парламентских законодателей и государственных жандармов будут строить социализм. Отсюда ясно, что будущее рабочего движения, даже по мнению такого авторитетного социалиста, как Вандервельде, принадлежит не насквозь прогнившей парламентской социал-демократии, а безгосударственному анархизму.

Я. Линский.

бюрократической централизации, вытекающей из обожествления партийной догмы.

Авторы книжки дают очень яркий обзор политической стороны большевистского режима. Факты, сюда относящиеся, всем известны и в этом отношении книжка не дает ничего нового, но ее безоговорочно - непримиримое отношение к удушению свободы стоит отметить, как нечто отрадное, в виду существующего во всех лагерях смешения понятий. В ней нет ни малейшей попытки об'яснить диктатуру потребностями революционного времени, никакого оправдания правительственного террора в каких бы то ни было условиях: он осуждается принципиально и безусловно.

В своей критике большевизма, авторы выясняют свой взгляд на характер русской революции. В силу ряда причин (отчасти связанных с войною) она, наперекор всякой марксистской догме, с самого начала, еще до октября, приняла социальный характер в своем требовании непосредственного перехода земли к крестьянам и фабрик и заводов к рабочим. Навстречу этим требованиям из революционных течений пошли два: анархическое и большевистское. Первые шаги революции носили анархический отпечаток: враждебное отношение ко всякой власти, непосредственный (не ожидая законодательного акта) захват земель и средств производства, образование фабрично - заводских комитетов для управления производством, домовые комитеты для разрешения квартирного вопроса, федеративная организация советов и т. д. И поле деятельности для анархистов было необычайно широко, а популярность их в массах — громадна. Но захват власти большевиками и преследования, с одной стороны, и собственные ошибки — с другой (о них дальше) привели к тому, что анархисты не развернули свою деятельность достаточно широко и сколько нибудь серьезных попыток безгосударственного осуществления социализма сделано не было. Наоброот, мало по малу создалась целая система общественной организации и соответственная, оправдывающая ее, доктрина, насквозь проникнутые принципом полного порабощения общества государством. Такая политика вытекала из характерного для большевиков *недоверия* к революционной инициативе, к революционному творчеству масс; «большевистская диктатура взяла на себя ответственность за революцию во всей ея исторической и моральной полноте. Убивая общественное творчество, она отныне полагалась только на свою инициативу» (стр. 28). Анархическая точка зрения — совер-

Открытое письмо партии ВКП и ее Ц. К.

Как Ц. К. известно, в конце мая и начале июня с. г. в одесской большевистской прессе и в «Вечерней Москве» начались печататься воспоминания бывшего секретаря Бела-Куна, — некоего Леглера. Выдержки из этих воспоминаний, уснащенных толстым слоем лжи, подхвачены и русской белой эмигрантской прессой. Редакция милюковской газеты «Последние Новости» поместила их под заглавием «*Махно и Бела-Кунъ*». На лживость Леглера я не могу не обратить своего внимания, как не допускаю мысли, чтобы эта его лживость, извращая исторические факты соглашения махновцев с большевиками, являлась безразличным делом и для Ц. К. В. К. П. и для всей ВКП. Ибо ею, этой ложью, большевистская пресса отравляет труженников, так или иначе ее читающих.

А почему?

Ц. К. В. К. П. ведь известно, что переговоры между нами, махновцами, и большевиками о заключении военно-революционного соглашения о совместной борьбе против генерала Врангеля начались со стороны большевиков предсовнаркомом Украины Хр. Раковским из Харькова, а со стороны моего штаба из Беловодска (Старобельского уезда Харьковск. губерн.).

Ц. К. В. К. П. хорошо известно и то, что переговоры эти между нами начались по телеграфу и что, когда Хр. Раковский вызвал меня лично к аппарату, чтобы вести с ним переговоры непосредственно, а я вследствие тяжелого ранения к аппарату не подошел и уполномочил замещать меня у него своих помощников — Семена Каретника, Виктора Белаша и Виктора Попова, то Хр. Раковский в свою очередь уполномочил Манцева замещать его, Раковского, у аппарата.

Переговоры начались 28-го сентября 1920 года в 4 часа дня и, как известно, привели они обе договаривавшиеся стороны к тому, что и в Харькове и в штабе революционно-повстанческой армии Украины (Махновцев) были выделены отдельные люди, которые и занимались уже специально этим делом.

Условия нашего соглашеня, как известно, были выработаны и те пункты из него, которые были связаны с моментом действия, были подписаны 13-го октября 1920 года, — со стороны партии большевиков и ее Украинского «советского» правительства Командармом Фрунзе, Я. Яковлевым, Гусевым и Бела-Куном, а со стороны повстанческого движения и его руководящих органов — Куриленко и Поповым.

А между тем, прошло около 8-ми лет, как это соглашение между нами было достигнуто и, к месту отметим, красными спецами-военруками преступно спровоцировано и разорвано, — Ц. К. В. К. П., который претендует на выразителя исторической правды о Великой Русской Революции и всех носителях ее, — многочисленных революционных групп и организаций, — этот Ц. К. позволяет себе проводить свои взоры молча мимо обнародования (см. газ. «Вечернюю Москву» от 2-го июня с. г.) о военно - политическом соглашении махновцев с большевиками лживых документов, состряпанных пресловутым секретарем Бела-Куна — Леглером. Это ясно говорит, что Ц. К. разделяет точку зрения Белакуновского секретаря

шенно обратная: ... «единственно здоровый, единственно правильный путь — спасти революцию от внешних врагов, избавить ее от раздирающих ее мучительных противоречий, расширить и углубить ее содержание — заключается в обращении к непосредственной творческой инициативе трудящихся масс. Они, столетиями несшие на плечах тяжесть государственности, одни могли найти верные слова для созидания новой свободной общественности. Последняя должна была стать достойным увенчанием беспримерного революционного под'ема».

Но существующее положение длиться безконечно не может. Народ, раз проснувшись от векового гнета, скоро опять захочет стать хозяиним собственной судьбы. И тогда окажется, что опыт советской диктатуры не прошел для него даром.

«Никогда, пишут авторы книжки в своем заключении, ни в одной исторической обстановке, властнический принцип не вскрывал так до конца своей плотоядной сущности... Никогда анархические стихии, живущие в трудовых массах, не имели такой глубокой и разносторонней школы, как в деятельности коммунистического государства». (стр. 136).

В этом — открытое поле для деятельности анархистов, задача которых принести в замен обанкротившейся государственности свои решения вопросов положительного строительства. Чтобы быть на высоте этой задачи, им нужно избежать в будущем тех ошибок, которые обезсилили их в прошлом. Авторы указывают на два рода ошибок. Одни были связаны с совершенно естественною заботою о том, как бы в условиях первых лет революции, при всех внешних и внутренних опасностях, не повредить делу революции, расторгнув ту солидарность с большевиками, которая создалась до и непосредственно после октября. Отсюда вытекла некоторая слабость и нерешительность в выставлении собственных лозунгов. Второго рода ошибки касаются внутренней жизни самого анархического движения. Авторы указывают на недостаток в нем коллективной работы, на отсутствие общей программы, общепризнанных организационных начал, на слабые связи в мире профессиональных союзов и кооперативов. Они надеятся, что, наученные опытом, анархические силы теперь сумеют спаяться и выработать себе общую программу действия.

Мы остановились на этой книжке гораздо дольше, чем принято в журнальном отчете. Но она заслуживает этого: она дает исчерпывающую критику недавнего прошлого и настоящего русской революции. Теперь остается продолжать начатую авторами работу и заняться изучением и разработкой элементов *положительной* программы русского анархизма.

М. Корн.

Леглера в компрометации уже не только меня и славных крестьян - партизан - махновцев (которых большевистской партии выгодно чернить по чисто иезуитски - политическим соображениям своей власти в стране), но и того, хотя и незначительного, но положительного прошлого своей партии в Русской Революции, которое, как известно позволило такому низовому революционно - освободительному движению, как махновщина, итти с партией большевиков единым фронтом в борьбе трудящихся против врагов социальной революции и вызывающих ее к жизни многогранных и всесторонних революционных идеалов. Да и не следует ли из молчания Ц. К. В. К. П. перед ложью Леглера, что он согласен с ними и в том выставлении самого Бела-Куна прямым бандитом в поведении его при встрече и разговорах со мною.

Я же знаю Бела-Куна более порядочным именно в держании себя при встрече и разговорах со мной.

Итак, что в воспоминаниях пресловутого секретаря более преступного и ложного, которое Ц. К. В. К. П., помоему, должен презреть, как я его презираю, и из'ять его, как авантюристическую подлость, из употребления в борьбе своей партии против Махно и махновщины?

Ложно в этих документиках секретаря, главным образом, то его утверждение, что, как будто бы, я, находясь со своим штабом в с. Ульяновке Павлоградского уезда, вызвал к себе из Павлограда Бела-Куна, что бы сговориться с ним о заключении договора против генерала Врангеля. Преступно ложно само описание приезда к нам Бела-Куна, допущения его ко мне. встречи, тем наших разговоров и т. д., и т. п. Ведь Ц. К. большевиков известно, а если нет, то должно быть известно, что Бела-Кун с рядом ответственных лиц большевистской партии приезжал ко мне в Ульяновку в 20-х числах октября, когда соглашения между нами, за исключением одного 4 пункта, были уже подписаны обеими сторонами и при моем штабе находились представители украинского совправительства и соответствующих других партийных большевистских органов во главе с тов. Васильевым.

Бела-Кун же приехал ко мне с особого характера поручениями от центральных органов большевистской партии и ее государственной власти. И одно из этих поручений выразилось во вручении мне Бела-Куном лично пакета - подарка с более стами фотографических карточек и портретов от Исполкома III-го интернационала, на котором была подчеркнута надпись: *«борцу за Рабоче - Крестьянскую Революцию тов. Батько Махно»*.

Пакет с подарком и этой надписью Бела-Кун вручил мне не распечатанным и с особой почтительностью.

Другое поручение выразилось в том совершенно искреннем и благородном, по-моему, старании Бела-Куна выяснить непосредственно у меня лично о состоянии моего здоровья, о том, удачно ли сделана присланным Раковским из Харькова хирургом мне операция, не нужно ли снова прислать для консультации хорошего профессора-хирурга и т. д.

Был разговор между мною и Бела-Куном и о более серьезных делах, касательно Красной Руси и Венгрии. Но этот разговор при настоящем положении самого Бела-Куна и вообще революционных дел более широкого масштаба, я, как анархист-революционер, считаю для себя неуместным выяснять, считая, что на это будет свое особое время...

И, наконец, четвертое поручение выразилось в особом старании Бела-Куна добиться от меня, как от полководца революционных партизан, мнения о действиях командования сводного корпуса красной армии (если не ошибаюсь, то корпуса под общим командованием *Гайя)*, который перед этим за несколько месяцев, будучи отрезан на противопольском фронте внезапным и решительным польским контр-наступлением, не нашел, как известно, выхода из окружения его частями польских армий и перешел границу Пруссии, где и сложил, по требованию прусских властей, свое оружие. На этот вопрос Бела-Кун как то особенно добивался от меня моего мнения и на ломанном в его выражениях русском языке и при помощи переводчика — на немецком.

Конкретно, Бела-Кун ставил мне тогда так свой вопрос: — Что, если бы Вы, батько-Махно, со своим командным составом были на месте командиров этого корпуса, — сложили бы вы свое оружие по требованию контр-революционных прусских властей?

Я ему ответил на это — нет! Имея хорошо вооруженный, да еще сводный (конно-пехотный) корпус или, скажем, одну дивизию, я, как командир-революционер над этой единицей, сознающий, что и я и составляющие ее бойцы ведем борьбу против контр-революционного мира, — я этого не сделал бы. Тем более что я очевидно знал бы, как должно быть знало и командование сводного корпуса, что, кроме сил моей единицы, есть еще силы красной арміи, которые от временого поражения могут быстро оправиться и снова перейти на своих боевых участках в наступление против сил неприятеля.

— А чтобы Вы делали на территории Пруссии? — заинтересованно Бела-Кунъ спрашивал меня.

Я ему сказал, что на прусской территории я и часу не задержался бы, а расчленил бы вверенную мне единицу на особые ударные группы и пошел бы глубокими тылами польской армии, уничтожая все пути и средства их снабжения и вооружения.

По этому вопросу мы много говорили и на нем наш разговор с Бела-Куном был закончен.

После, Бела-Кун говорил с моими помощниками и так близкими мне в повстанчестве товарищами. Говорил он с ними о многих делах, касался и подписанного соглашения и выдвигавшегося нами, как раз в это время, добавления к этому соглашению, которое после выразилось в 4-м пункте и подлежало, после предварительного совещания Украинских большевистских властей с Москвой, обсуждению и подписанию с нами. Но и с моими помощниками, как и со мной, Бела-Кун держал себя совсем не по-бандитски, как это его выставляет его бывший секретарь Леглер в своих воспоминаниях, печатаемых в газ. «Вечерняя Москва» и одесских газетах. Т. е., ни бандитами, ни сволочью Бела-Кун никого из нас, будучи между нами, не называл.

Да и мог ли позволить себе Бела-Кун вести себя так со мною, да еще в присутствии моих революционных помощников?!. Лучше всего на это могут ответить сами же

большевики, начиная от Антонова-Овсеенко, Льва Каменева, Межлаука, Ворошилова, Дышлового, Бела-Куна, и кончая менее заметными большевистскими величинами, встречавшимися со мною на боевом посту революции.

Я же лично, — вопреки всякого сорта проходимцам, вроде бывшего деникинско-врангельского, теперь большевистского генерала Слащова и французского коммуниста - большевика Барбюса, клевещущих на меня, обзывая меня агентом антанты; или хорошо присосавшимся к большевистской власти писателям Вересаева, А. Толстого и Пильняка, позорно выводящим меня в своих побасенках, написанных под тон и в унисон диктаторов, антисемитом - погромщиком, — вопреки всей наглости этих и им подобных проходимцев, которой все мои враги пользуются в своей клевете на меня и на связанное с моим именем движение украинских тружеников,, — я считаю себя вправе перед прошлым, настоящим и будущим трудящихся С. С. С. Р. и мира, чтобы сказать Всесоюзной большевистской партии и ее Ц. К., — почему партия поощряет в своих рядах авантюристам измышлять всякую, какая только взбредет им в голову ложь, против идейных противников партии, — в данном случае, против меня и связанного с моим именем движения? Почему партия большевиков, добившись, за счет общих усилий всех революционных групп и организаций господствующего политического положения в стране, так обанкротилась идейно и так опошлела тактически по отношению своих противников, что не находит иных средств для борьбы с'ними, кроме лжи? Почему партией допускаются искажения таких исторических фактов и связанных с ними неопровержимых истин, которых история наших будущих поколений не пройдет молча, но которые партия или от имени партии этой истории преподносятся искаженными, ложными?

Разве Всесоюзная партия коммунистов-большевиков и ее районные, областные и центральные руководящие органы, обанкротившись на своих властнических государственных постах, пришли уже окончательно к тому, что для настоящего и будущего партии революционная честь больше не нужна, а потому, дескать, давай в ее ряды всякую нечисть, поощряй этой нечисти всякую подлость, какую только она может измышлять против противников партии, лишь бы нечисть эта подчинялась общим партийным директивам партии и ее центральных органов?

Если это так, тогда совсем другое дело. Тогда нужно только, не лицемеря открыто сознаться в этом.

Тогда и широкие массы безпартийных тружеников поймут и самое партию и цели ее иезуитски-предательских вывихов по отношению их прямого дела освобождения.

Правда, для властнической партии не выгодно, чтобы широкие массы тружеников поняли ее полностью, да еще за иезуитским ее отношением к их делу. За этим ведь скрываются для широких трудовых масс в С. С. С. Р. пути ликвидации политического безумия партии. Но это необходимо, крайне важно — и большевистская партия в целом должна это понять — для трудящихся С. С. С. Р. и для трудящихся мира, которые должны предостеречь себя и свое новое поколение от большевистской партийной школы лжи, с которой партия за 10 лет своего царствования в стране над правом и жизнями трудящихся не только что не смогла растаться, порвать связи, но еще более сроднилась и продолжает родниться, как с чем-то, будто-бы исторически сросшимся с самой идеей большевизма.

Если бы не было видно, кто руководит партией, можно было бы подумать, что враги большевизма ее умышленно толкают на путь лжи в ее борьбе против вчерашних друзей. Но когда знаешь и видишь, что воспитатели в школе лжи и остервеневшие за ее практикой воспитанники — все партийцы формации старой большевистской гвардии — ведь нельзя же назвать Яковлева, Лебедя, Кубанина, Леглера и других известных мне большевистских писак, клевещущих на Махновщину, большевиками выдвиженческой шеренги, — если все это знаешь и видишь, то становится прямо таки странным, каким образом все это сообщество смогло овладеть революционной психологией трудовых масс и, достигнув полного политического господства над ними, надеется еще быть вождем и вдохновителем Мировой Революции, когда Революция в своей стране *опозорена и задушена*.

Это то, что всегда, еще будучи революционная махновщина другом с большевистской партией на пути борьбы с деникинской, врангелевской и других формаций контр-революций — лучших представителей махновщины возмущало, против чего я со своими друзьями-повстанцами протестовали, а партия коммунистов-большевиков закусывала свои губы, зарывалась и вызывала нас на отчаянную вооруженную борьбу с нею

И это же возмущает меня теперь; против всего этого и раскрытого самой партией за 10 лет ее неограниченного, политически дикого царствования, ложного по отношению махновщины и в частности меня самого, как главного вдохновителя и руководителя ее, я протестую и теперь!..

Нестор Махно.

Франция. Июль 1928 г.

ОТВЕТ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ РОССИЙСКИХ РАБОЧИХ ОРГ. ЮЖ. АМЕРИКИ

В ответ на мое письмо Исполнительной Комиссии Российских Рабочих организаций Юж. Америки с просьбой поместить в журнале «Голос Труда» резолюцию конференции Анархо-Коммунистических Групп Соединенных Штатов и Канады, состоявшейся 30-го октября 1927 г., Исполнительная Комиссия, не поместив резолюции в журнале, сделала об этом свое раз'яснение, напечатанное в «Голосе Труда» от 1-го февраля 1928 г. в отделе почтового ящика.

Так как раз'яснение Исполнительной Комиссии полно извращений и противоречий, которые вводят читателей «Голос Труда» в заблуждение, по этому, во имя восстановления истины, я считаю своим долгом показать читателям «Дело Труда» насколько упомянутый выше поступок Исполнительной Комиссии низок с точки зрения анархиста-революционера.

По рекомендации секретаря вышеуказанной конференции,

тов. Л. Л., мною были разосланы резолюции для напечатания в следующие редакции: в редакцию «Дело Труда», в редакцию «Рассвет и Пробуждение» и в редакцию «Голос Труда» — Южной Америки.

Ненапечатание резолюции в «Дело Труда» об'ясняется тем, что тов. секретарем Федеративной Конференции была написана статья, в которой были освещены главные вопросы, стоявшие в порядке дня конференции, которая и была помещена в № 32 «Дело Труда». Причины ненапечатания резолюций в «Рассвете» и «Пробуждении» для меня вплоне понятны: — эти люди с начала 1925 г. с грустью пишут свои воспоминания о том, как злая сила революционного интернационала, вызванная разгаром русской революции, толкнула их на измену «наиблагороднейшему» русскому национализму. И вот в продолжении трех с половиной лет с раскаянием призывают они интернационально-радикальный элемент в русской колонии преклониться пред этим детищем чиновников, попов и эксплоататоров. Следовательно, — рассветовско - пробужденческие «аристократы духа» скорее поместят на страницах руководимых ими органов десяток программ и воззваний церковно - поповских и белогвардейских кружков, чем поместят резолюцию революционных анархо - коммунистов. Совсем другое впечатление произвело **раз'яснение** исполнительной комиссии Российских Рабочих Организаций Южной Америки тем, что они не могут дать места на страницах «Голос Труда» резолюциям конференции Анархо - Коммунистических Групп Соединен. Штатов и Канады. В своем раз'яснении они пишут следующее: Письмо ваше и резолюции нами получены, но к великому сожалению не может дать им места на страницах «Голос Труда» по следующим причинам: «Исполнительная Комиссия приняла решение не подымать никакой полемики по поводу Платформы, также, как и партии».

Прочитавши эту мотивировку и принявши во внимание содержание резолюции, невольно напрашивается вопрос, зачем понадобилось Исполнительной Комиссии Р. Р. О. Юж. Ам. приписывать решениям Федеративной Конференции Анархо-Ком. Групп те вопросы, которых не было даже в порядке дня (как вопрос о Платформе) и извращать то, которые имеются в резолюции? Ведь Исполнительной Комиссии Р. Р. О. Ю. А., получившей резолюции, досконально известно, что вопросы о Платформе в резолюциях нет, а поэтому и не было надобности со стороны Исполнительной Комиссии высказывать свое мнение о ней.

Касаясь-же Анархо-Коммунистической Партии, должно сказать, что этот вопрос для групп вообще и для делегатов в частности, — оказался внезапным, — не обдуманным, и во избежание ошибки в его решении в положительном смысле, конференцией была вынесена резолюция следующего содержания: «Вполне соглашаясь с необходимостью об'единения анархистов в одну дееспособную организацию — на почве определенной идеологической работы, конференция тем не менее считает данную организационную форму Федерации — групповую — самой подходящей для своей работы и отрицательно относится к попытке создания какой либо новой формы организации».

Что же здесь могло послужить поводом для не помещения резолюций на страницах «Голос Труда»? Ведь содержание и дух выше процитированной резолюции, по моему мнению, кажется, не противоречит традиционным принципам анархо-коммунизма. А если так, то с какой целью Исполнительная Комссия, решивши не печатать резолюции в «Голосе Труда», так бесчестно извращает решения федеративной конференции?

Дальше говорится в раз'яснении: От всей души приветствуем возрождение группового движения в Северной Америке, но крайне сожалеем, что оно приняло такие антианархические основы и формы».

Благодарим за приветствие!

Но было бы желательно, чтобы Исполнительная Комиссия Р. Р. О. Ю. А., взявшая на себя роль прокурора в отношении федерации А. К. Групп Соединен. Штатов и Канады, опубликовала на страницах «Голос Труда» усматриваемые ею антианархические основы и формы нашей организации. Ведь упрекать или обвинять в неанархичности без доказательств и фактов, людей, находящихся в положении невыносимой борьбы против многочисленных врагов анархизма в русской колонии и против фактических извратителей его, могут только безнравственные политиканы, а не люди с высоким именем анархо-коммунизма.

Как уже мною указано выше, по уверению Исполнительной Комиссии Р. Р. О. Ю. А. «резолюции Групповой Конференции С. Ш. и К. не были помещены из за двух вопросов — **Платформы** и **Партии**, по которым Исполнительная Комиссия не желает заводить полемики на страницах «Голос Труда».

Вдруг, ниже, в раз'яснении читаем: — «в следующем номере будем печатать статью Малатесты об этой Платформе, крайне советуем прочесть ее, она поможет Вам понять, что принципы организации, предлагаемые Платформой, не только не анархичны, а прямо анти-анархичны.

Вот и разберись в таком противоречии и запутанности людей из Исполнительной Комиссии! В начале своего раз'яснения «соболезновали», что не могут поместить резолюции из за нежелания полемизировать о Платформе и Партии, а в Конце рекомендуют нам прочесть статью тов. Э. Малатесты о той-же Платформе, которая будет помещена в следующем номере «Голос Труда». — Какая нелепость!

Можно быть уверенным, что на критические статьи по поводу Платформы, будь это статьи Малатесты или других теоретиков анархо-коммунизма, каждый групповик и отдельный товарищ обратит серьезное внимание, если в этих статьях вопрос о Платформе будет разбираться честно — без ехидства, а не так, как это делают прикрывшиеся авторитетностью Кропоткина и Малатесты Исполнительная Комиссия из «Голоса Труда» и подобные им.

Что-же касается партийности в анархо-коммунистическом движении, то меня удивляет, что Исполнительная Комиссия называет ее «прискорбным новшеством», так как тот-же основоположник анархо-коммунизма Э. Малатеста давно называл анархическое движение — партией.

В его статье — «Анархисты — сторонники выборов в Парламент» — говорится следующее: «Анархисты совершили, конечно, тысячу ошибок; изрекли сотни глупостей, но они всегда оставались идейно чистыми, они были **партией** наиболее революционной, — **партией** будущего, — ибо они умели дать отпор обольстительным чарам выборов». (Напечатано в «Американских Известиях», от 13-го августа 1924 года).

Секретарь Федерации А.-К. гр. Сев. Ам. и Канады А. Я.

Открытое письмо „Голосу Труда"

Уважаемые товарищи!

В № 283 «Г. Т.», отвечая секретарю А-К Федерации Сев. Америки по поводу присланных вам резолюций, вы, между прочим, пишете: «Будучи принципиально против не только создания анархической партии, но и самой Платформы, как таковой, дав место вашим резолюциям, мы вынуждены были бы высказать и наше отношение к этому вопросу, т. е. открыть страницы «Г. Т.» для этих вопросов. Но мы считаем, что достаточно разложения уже было внесено в ряды анархизма, и, главное, считаем, что наша задача это — пропаганда идей взаимности, солидарности и любви, а не ненависти, братоубийственной политики и дрязг».

Но разве в наших резолюциях говорится что-либо об «Организационной Платформе»? Прочтите внимательно резолюции еще раз и вы убедитесь, что в них нет и единого слова об этой Платформе! Правда, мы приняли резолюцию об анархической партии, которая так страшит вас, но высказались в ней отрицательно к попытке создания новой формы организации, признав, групповую форму организации наиболее подходящей для нашего движения, хотя надо заметить, что решение этого вопроса в отрицательную сторону, тактически, однако, никем из нас не рассматривается, как поражение организационного принципа анархической партии вообще.

Вы приветствуете возрождение группового (анархического) движения в Сев. Америке, но сожалеете, «что оно приняло такие антианархические (?) основы и формы». Что означают эти ваши слова — «такие антианархические основы и формы»? Ведь, поймите, что наша Федерация основана на автономных началах. Это значит, что каждая отдельная группа, входящая в состав Федерации, свободна в своих суждениях, взглядах, идеях и работе и ни одна из них не подчинена указаниям или авторитету какой-либо другой группы. Ни один из членов Федерации не пользуется правом навязывать свои идеи или взгляды другому члену. И все возникающие вопросы решаются по свободному соглашению заинтересованных товарищей. А вы указываете, что, мол, наше движение приняло «такие антианархические основы и формы»! Как видите ваши указания не соответствуют правде.

Вы далее указываете на то, что авторы «Организационной Платформы», в своем стремлении «руководить анархическим движением, внесли страшное разложение в анархические ряды». Но скажите, с каких это пор анархисты стали отрицать идейное руководство работой или движением? Ведь анархизм тем и отличается от других социально - экономических построений, что он не навязывает насильно своих идей сторонникам, а идейно влияет на них и также идейно руководит их работой. И если уже говорить о причинах разложения или раздробления русского анархического движения в Сев. Америке, то я смело утверждаю, что главная вина в раздробленности наших сил падает не на авторов «Организационной Платформы», а на руководителей «анархической» газеты «Рассвет», сеющих среди русских рабочих «семена» культуртрегерства, мещанства и обывательщины и братающихся с врагами рабочих — церковниками, священниками, монархистами и другими «уважаемыми соотечественниками».

Вы ссылаетесь на авторитетные мнения Малатесты и Кропоткина, заявляя, что они высказались отрицательно по отношению организационных принципов Платформы и создания анархической партии. Но Малатеста, знакомый с «Организационной Платформой» не по русскому оригиналу, не может согласиться с отдельными ее положенциями потому, что он подходит к ним путем чисто умственных заключений, а не практическим и страдальческим путем, подобно многим русским анархистам, пережившим последнюю русскую революцию и перенесшим все тяжести и своей анархической борьбы. Кропоткин же, хотя и выдающийся теоретик анархизма, не играл никакой роли в революции 1917 г. и в последние годы своей жизни не оказал вообще никакого влияния на анархическое движение в России. Отсюда, понятно, и проистекает их отрицательное отношение... Но, после всего, мнения Малатесты и Кропоткина нам известны; мы также знаем, что они сумели высказать свои мнения и взгляды, равно как сумели высказать свои мнения и авторы «Ответа» на «Организационную Платформу». Но каковы ваши мнения? Можете ли вы их высказать?... И хотя наши резолюции вовсе не касаются «Организационной Платформы» и также не противоречат направлению вашего органа, вы все-таки отказались напечатать их — на то ваша воля, но где же ваше понимание?..

Многие анархисты и отдельные анархические организации все еще пребывают в анархической глуши и питаются такими старыми, догматическими заветами анархизма, как «бесполезность организации», «вредность программы» и т. п. Но пора уже предать забвению эти старые «заветы» и активно взяться за разрешение нашей наиважнейшей задачи — построения общепартийной анархической организации, основанной на однородной идеологической базе и об'единяющей весь устойчивый элемент анархизма. В этом отношении «Организационная Платформа» *уже сделала* свой первый и несомненно важный шаг, и анархическая пресса должна была бы только помочь делу укрепления этой начатой работы.

«Голос Труда», как анархический орган, несет большую ответственность за свою работу. Пусть же его голос останется искренним для анархизма!

Л. Липоткин.

Не могут пробутиться

Уснувшие на «Рассвете» «рассветовцы» попытались, было, пробудиться, выпустив журнал «Пробуждение», но, очевидно, охватившая их спячка до того сильна, что сон опять одолел их на четвертом номере журнала, вот уже около шести месяцев не появляющегося в свет. Это томительно длинное пробуждение навело меня на мысль петь журналу заупокой, но узнавъ, что «вот-вот появится» пятый номер, я воздержался от этого. Итак, мы теперь в затруднительном положении, ибо точно не знаем, жив ли курилка, духовное детище духовно расслабленной двой-

ки, т. е. Рубежанина и Моравского. Приходится повременить, авось... Впрочем, надежды на возрождение не только мы, но, пожалуй, и сами создатели этого урода никакой не имеют.

Да и нельзя иметь ее. Ведь, в самом зародыше журнала были признаки скорой смерти и вот почему. Очутившиеся в тенетах мещанского болота рассветовцы со своим бульварным листком «Рассветом» оказались совершенно изолированными от плодородной почвы. Поняв сущность рассветовского дела, значительное большинство сознательных рабочих, группировавшихся вокруг «Амер. Известий», стали с отвращением обходить рассветовское болото и удаляться от него. Рассветовцы же, видя, что последствием этого массового ухода рабочих может быть их совершенная изолированность от рабочей массы, решили, было, подкрепить под собой почву, — выпустить журнал. И такой журнал, чтобы его физиономией сразу заинтересовались и всех толков буржуи, жаждущие по своему свободы, и рабочие, желающие освобождения. В силу этого получилось: ни вода, ни суша, ни ночь, ни день, а болото и сумерки. И понятное дело, что при такой своей сущности журнал «Пробуждение» родился, чтобы не развиться, а скоро умереть. Расчет рассветовцев оказался ошибочным. Таких жаждущих свободы людей, которые признали этот журнал своим мессией, на деле не оказалось. Ведь не только заядлые буржуи, но и всех марок ученые должны остаться глухими к брошенному рассветовцами в небесное пространство кличу, ибо порядок и свобода для них — сохранение в неприкосновенности частной собственности и, следовательно, удержание людских взаимоотношений в настоящем их виде. О рабочих, особенно о сознательных, и говорить не приходится, ибо рассветовская или пробужденческая, что одно и то же, политика не только что чужда, но и опасна. Сознательно или нет, но журнал «Пробуждение», как и «Рассвет», задались целью усыпления революционной бдительности в среде рабочих. Политика чисто поповская. Разница лишь в том, что попы удерживают рабочих от революционной деятельности страхом вечного ада, а рассветовцы или пробужденцы проповедничеством и внушением рабочим страха перед классовой борьбой и революцией. И не удивительно поэтому, что пробужденцы рассылкой своих писем в ушедшие от «Рассвета» организации не смогли последних переубедить и завлечь в свое болото и сумерки.

Одно из таких писем, написанное секретарем журнала «Пробуждение» Новиным, в одну из организаций, примыкающих к Федерации Анарх.-Коммун. Групп Соед. Штат. и Канады, имеется на руках у нас. Итак, попытка рассветовцев навязать свой журнал организациям, входящим в состав Федерации, не удалась. Политика рассветовцо-пробужденцев чужда всяких принципов, являющихся, обычно, основой всевозможных людских дел и удерживающих то или иное социально- политическое течение от пресмыкательств перед другими и не допускающих к нравственному падению. Под напором беспринципных хамелеонов, Рубежанина и Моравского, рассветовцо-пробужденцы превратились из «горячих» сторонников революционно - групповой работы среди несознательных рабочих в людей, склонных пресмыкаться перед любой консервативной и принципиально враждебной ко всяким стремлениям рабочих к освобождению, организацией. Проглотив, благодаря этому, целиком общеколониальную политику с безнадежностью переварить ее, они ради своего бессмысленного существования бросаются за спасением то к одной, то к другой русской организации.

А к тому же охватившая их мания общеколониального величия и руководства не дает им покоя, и все это вместе взятое заставляет их на каждом с'езде национальных обществ взаимопомощи униженно падать в ноги руководителям этих обществ и просить их признания «Рассвета» своим оффициальным органом. Важно, чтобы «Рассвет» признали, рассуждают рассветовцы, а тогда и «Пробуждению» станет легче. Мы в таком случае, в конце концов, окажемся главными руководителями в обществах взаимопомощи, — продолжают мечтать бессодержательные Кули и Карпени, а пока что необходимо склонять голову перед Колесниковыми. Увы, Колесниковы останутся и несомненно останутся в дальнейшем неумолимыми, строго придерживаясь своих национальных принципов, и снисходительно смотрят на пресмыкающихся у их ног «рассветовцев». Они — Колесниковы — ведь в свою очередь мечтают о возрождении помещичьей России. Что же касается рядовых членов этих обществ, то для них обещаемые обществами доллары, в виде страховки, выше и дороже всяких газет и журналов и тем более дороже без руля и ветрил «Рассвета» или «Пробуждения». И как видите, некому разбудить рассветовцев от летаргического сна.

Однако, коренной недостаток рассветовцев, особенно низовых, заключается не в том лишь, что у них нет руководящих принципов и идей, а и в том, что почти все они не освободились еще от своего рабского воспитания в прошлом и в склонности, в силу этого, трепетать, умиляться и держать язык за зубами перед бывшими господами России, обладающими некоторыми знаниями, очутившимися помимо своей воли заграницей, в Америке и вращающимися в национальных русских организациях, где рассветовцам приходится с ними сталкиваться и даже совместно с ними работать. И стоит лишь какому-нибудь Лисицину или Синицину подать свою мягкотелую руку рассветовскому Карпени, Нагорному или Кулю, так рассветовец теряет свой человеческий облик, превращается в ничтожество, готовое ко всякой услужливости и ко всякому послушанию. Для подтверждения этого приведу следующий факт. Тоскующие о прошлом, о монархизме, как Адам о потерянном рае, монархисты в Обществе «Наука» подняли вопрос об устройстве массового митинга в память освобождения крестьян от крепостной зависимости Александром II. Не знаю как, но идея эта была подсунута и рассветовскому Прогрессивному Обществу Взаимопомощи, ибо данное общество, совместно с Обществом «Наука», подобный митинг имело 4 марта с. г., в помещении последнего общества. На митинге председательствовали рассветовец и «ницшеанец» Карпеня. Собралась горсточка слушателей. После ряда ораторов монархистов, зло бичевавших революционеров и превозносивших до небес манифест, выпущенный Александром вторым, в заключение митинга председатель — рассветовец Карпеня предложил слушателям

почтить память Александра второго вставанием.

Но еще до этого мы имели возможность убедиться в духовной несостоятельности низовой рассветовской братии. Издавая «Волну» и играя уже доминирующую роль при «Американских Известиях», эта братия раздобыла себе откуда то Моравского, который, по его мнению, должен был быть опытным в организационной работе человеком, принципиальным революционером анархистом, соответствовавшим работе «Волны». Увы! Моравский оказался не таким, каким его представляли. И тем не менее, никто из рассветовцев не посмел выступить против него. Все молчаливо согласились, что хотя урод, но наш, а потому его нужно слушаться. Да к тому он обладает знаниями, и все, что он нам преподносит, мы должны покорно воспринимать. И Моравский оказался в своей родной стихии, где он, несмотря на протесты отдельных лиц, продолжал задавать все высший и высший мистический тон опустившей носы рассветовской братии. Рубежанин, ожидавший, должно быть, Моравского таким, тоже воспрянул духом, осмелел и открыто на собраниях начал кричать: «Теперь не время говорить об анархизме». А вслед за ним Карпеня заявил: «Анархизм — утопия».

После всего этого не удивительно, что рассветовская братия оплакивала совместно с монархистами Александра второго, целуется с ними и содействует им преподносить рабочим колонистам монархизм.

П. Данилюк.

Сев. Америка.

ЗАЯВЛЕНИЕ О «РАССВЕТЕ»

В течение ряда лет я состоял сотрудником газеты «Рассвет», предполагая, что она является продолжением «Американских Известий». Так как мне пришлось убедиться в том, что эта газета не имеет ничего общего с анархизмом и занимается тем, что развращает читателей буржуазной идеологией, солидаризируясь с белой эмиграцией, то я считаю необходимым выразить глубокое сожаление в том, что сотрудничал в ней *по недоразумению*, и заявить, что с подобными изданиями не имею ничего общего. Живя в Москве и не имея возможности получать американские издания, я был введен в заблуждение. Узнав из вырезки из журнала «*Дело Труда*» о том вреде, который причиняет анархическому движению газета «Рассвет», своим заигрыванием с буржуазной эмиграцией, прошу товарищей не считать меня ответственным за его направление. Советую анархистам организовать бойкот этой газеты.

В. Худолей.

Необходимое раз'яснение

В Чикагском «Рассвете» от 23 и 24 мая с. г. помещено заявление Издательского Комитета Анархической Литературы под заголовком: «Вынужденное заявление». Оно начинанается такими клеветническими словами: «Нью-иоркская группа анархистов до того разнуздалась в своей пропаганде против издания трудов тов. Н. И. Махно, что не останавливается решительно ни перед чем. Все средства хороши, лишь бы помешать изданию». Правда, ниже, на ряду с разными нечистыми эпитетами по адресу членов ньюиоркской группы, авторы этой неслыханной в истории анархического движения клеветы сами смягчают приписанную ими нью-иоркской группе вину, говоря: «Но нью-иоркская группа в целом, если не вела агитацию против издания, то во всяком случае не предпринимала никаких шагов к его ускорению».

Итак, из этих двух вышеприведенных цитат внимательный читатель можетъ понять, что комитетчики, сочиняя свой пасквиль, сознавали свою неправоту, лживость своего намерения очернить нас, ни в чем неповинную нью-иоркскую группу, но под давлением злых чувств, повидимому, не в силах были контролировать себя. Злые чувства омрачили разум, захлестнули их сознание.

Но как бы ни было с самими авторами, факт же остается фактом; нам приписали то, к чему мы не имеем и не могли иметь никакого отношения. И мы, члены нью-иоркской анархо-коммунистической группы, прочитав это заявление, на своем деловом собрании, были возмущены до глубины души им. Мы решили заявить во всеуслышанье, что

1) наша группа никогда, нигде и никакой пропаганды против издания трудов тов. Махно не вела. Опровержением этой гнусной клеветы служит то, что на конференции федерации групп, состоявшейся 30 ноября 1927 г. была выбрана комиссия из состава нашей группы для сбора средств на издание записок тов. Махно и для ведения переговоров с этим злосчастным Комитетом о сотрудничестве в издании. Все члены группы, исключая тов. Бела, отказавшегося от участия в комиссии на том основании, чтобы записки были изданы Федерацией независимо от Комитета, были согласны сотрудничать с последним в издании. Но когда давшие на издание деньги товарищи высказались, чтобы записки были выпущены Федерацией и от имени таковой и когда **районная конференция Штата Охайо** приняла такое же решение, то группа наша решила обратиться к Комитету, чтобы он передал рукопись тов. Махно в Федерацию, дабы приступить к изданию таковой. При этом было поручено Данилюку, члену комиссии, просить Михайлова взять на себя техническую сторону дела. По заявлению Данилюка 2 члена Комитета согласились передать рукопись в Федерацию, лишь бы приступить к изданию, Михайлов же упорствовал, заявив, что передача рукописи в Федерацию зависит от тов. Махно и если, мол, последний из'явит на это свое согласие, то и он, Михайлов, будет согласен. После этого было решено обратиться к тов. Махно. Тов. Махно, повидимому, заведенный Комитетом в заблуждение на счет нашей группы, отвечал категорическим отказом на письма Данилюка. И все-таки, несмотря на это, и вопреки утверждениям Комитета, группа не питает никакой неприязни к тов. Махно, желая, чтобы записки были выпущены как можно скорее и для этого будет предпринимать все от нее зависящее.

2) Желая, чтобы записки были выпущены в скором будущем и от имени Федерации, мы тем не менее не имеем ничего решительно против того, чтобы тов. Махно поручал издание записок кому угодно. Не были мы против этого раньше и теперь не желаем разрушать Комитет, организованный Михайловым по поручению Махно.

3) Не считая себя единственными, имеющими право на изда-

ние записок тов. Махно, мы также не пытались, не пытаемся и впредь не намерены делать попытки монополизировать анархизм или быть хозяевами анархического движения. Мы лишь, в поучение Михайловых и иже с ними, стоящих в стороне от движения и треплющих от безделья нашу идею, желаем воссоздать движение и намерены прислушиваться к голосу тех искренних и преданных движению товарищей, которые готовы на самопожертвование ради него, а не тех, кто, возомнив себя всезнайкой, смотрит на движение, как на толпу или презренное стадо. Так что все, приписанное нам комитетчиками, является лишь плодом их поразительного легкомыслия и морального падения.

Опровергая категорически все возведенные на нас Комитетом клеветы, мы считаем себя в праве требовать от Комитета очистить свою совесть, то-есть, снять это обвинение или подтвердить таковое фактическими данными.

Что же касается указаний Комитета на то, что, якобы, наша группа, работающая в направлении сбора средств на издание трудов тов. Махно, находилась или находится под влиянием Бондаренко, ведшего будто агитацию против выпуска записок, то это тоже является прямой ложью. Уже почти вслед за последней конференцией Бондаренко по неизвестным нам причинам не принимает никакого участия в работе Федерации, не появляется на собраниях группы и, следовательно, не мог и не может оказывать никакого и ни на кого из членов групппы влияния. С тем же негодованием и презрением относимся мы также к заявлению Комитета о том, что будто бы кто-то из членов нашей группы ведет агитацию против издания записок, и будем так относиться, пока не получим указаний, кто именно. Мы требуем фактов и только фактов. Без фактов и доказательств все сказанное в заявлении Комитета навсегда останется злостной клеветой на нас, клеветой, на которую способны лишь люди, задавшиеся целью внести в наши ряды антагонизм, дезорганизацию, а не анархисты.

Группа анархо-коммунистов гор. Нью-Иорка.

2 июня, 1928 г.

Первый конгресс интернационала анархической молодежи

29 и 30 мая 1928 г. состоялся в Гуизен близ Амстердама в Голландии первый конгресс Ин. Ан. Мол.

Присутствовали представители анархического движения Германии, Бельгии, Франции, Испании, Португалии, Голландии и Швеции.

Получены приветственные письма и письма с выражениями симпатии от Союза Молодых Социалистов Швеции, от болгарских анарх.-коммунистов в Бельгии, М. Т. Р., Черной Молодежи Японии, анархистов-крестьян Японии, Т. Л. Е. С., Немецкого и Голландского Союза противников войны, Рабочей эсперантистской группы, «Антауен» в Аргентине, анархической и свободной молодежи Берлина, Союза безвластнических социалистов Австрии, анархо-синдикалистской молодежи Хемница и Гамбурга, младо-социалистического клуба Болебигд (Швеция), анарх. федерации Гетеборг, анархической молодежи Польши, одного русского товарища и двух тов. из Саарской области.

Доклады были представлены товарищами из: Голландии, СССР, Швеции, Австрии, Японии, Иберии, испанской группой во Франции, группой болгарской молодежи Бельгии и группой русских анархистов За-границей (Дело Труда).

Хорошо удавшийся конгресс отличался единодушием его участников. Дискуссии велись в братском тоне и по всем пунктам порядка дня приняты единогласные резолюции.

Важнейшим пунктом была декларация принципов. Были вынесены два проекта: один от Исполнительной Комиссии и другой от германской анарх. - синд. молодежи .Редакционная Комиссия слила эти два проекта в таком виде:

«Интернационал Анарх. Молодежи — это международное об'единение молодых анархистов, которые работают для духовной и социальной революции.

Эксплуатация рабочих имеет свою причину в монополии хозяйства и власти.

Поэтому И. А. М. считает своей задачей бороться всеми средствами за завоевание обществом средств производства и земли.

Поэтому И. А. М. стремится всеми средствами к уничтожению государства и всех его учреждений, так как единственно в свободном обществе возможно свободное развитие личности.

Борясь с современным государством, И. А. М. борется также со всеми попытками пересоздать государство или же создать новое во имя социализма, коммунизма, пролетарской диктатуры и т. д.».

Эта декларация принципов принята временно. Назначена комиссия из 4 человек для выработки новой декларации принципов, которая будет обсуждаться на следующем с'езде в 1929 году в Берлине. В то же время немецкая секция межд. антимилитаристов созовет международный антимилитаристический конгресс.

Предложение о вхождении . И А. М. в М. Т. Р. было по практическим и принципиальным соображениям отклонено. Будут делаться попытки более успешного сотрудничества между М. Т. Р. и Межд. антимилитаристическим Бюро.

Решено создать международный совет и национальные секции.

Членские взносы достигают 40 сентов в год для отдельных членов, а для групп — 4 сента от члена.

Временно будет издаваться бюллетень.

Этот 1-й конгресс создал базу для расширения межд. анархич. движения.

Временно можно рассчитывать на содействие анархистов Швеции, Германии, Бельгии, Франции, Голландии, Испании и Португалии, а также есть надежды на содействие 7-ми товарищей из Соед. Штатов, Южной Америки, Китая и Японии.

Т-щи обещали финансовую помощь секретариату.

Секретариат временно остается в Голландии.

На конгрессе было подчеркнуто большое значение и польза языка эсперанто. Если бы все участники конгресса знали этот язык, конгресс значительно выиграл бы во времени. Против изучения этого языка никто не возражает.

Настоящий отчет очень сокращен. Полный отчет приготовляется; он займет около 50 страниц.

Но это стоит много денег. Секретариат же не имеет средств.

Полный отчет заслуживает распространения с пропагандистской точки зрения. Покупайте, товарищи, этот отчет.

Он стоит для Франции — 5 фр., для Бельгии — 7 фр., а для других стран — 40 центов за экземпляр. При соответственной поддержке можно будет издать отчет на французском, эсперанто, английском, испанском, голландском и немецком языках.

Деньги и письма направлять по следующему адресу:

M. Stevens. Schackletonstraat, 16. I Amsterdam-West. Holland.

Секретариат И. А. М.

ПИСЬМО ГРУППЫ РУССКИХ АНАРХИСТОВ ЗА ГРАНИЦЕЙ МЕЖДУНАРОДНОМУ КОНГРЕССУ АНАРХИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В АМСТЕРДАМЕ

(сокращенно)

Дорогие товарищи, мы, имеющие опыт двух великих революций в России и опыт анархического движения в этих революциях, считаем своим долгом поделиться с вами своими выводами, почерпнутыми из опыта этих двух революций.

Как в революции 1905-6 г. г., так и в революции 1917 г. широкие массы труда проявили огромный интерес и огромное внимание к идеям и лозунгам анархизма. Русская революция 1917 г. втечение первого полугодия носила ярко выраженный анархический характер. Это давало основание думать, что в своем дальнейшем ходе революция эта пойдет анархическим путем и приведет к анархическим достижениям. Случилось, однако, другое: в октябре 1917 г. в России захватила власть партия коммунистов-большевиков, тоже шедшая под лозунгом социальной революции, и естественный ход революции был грубо изменен и направлен по властническому государственному пути. Находившиеся в те годы анархические группы в России не могли помешать этому искажению революции; более того: эти группы в короткий срок были ликвидированы большевистской властью и фактически оказались вне революционных событий.

Как могло случиться, что в эпоху социальной революции трудящихся левое крыло этой революции — анархисты — оказались выброшенными из процесса событий? Каковы причины этого? Причин несколько, но самой главной является отсутствие у анархического движения общеанархической программы и общеанархической организации. В эпоху социальной революции в России, анархическое движение было представлено отдельными разрозненными группами с противоречивой идеологией, с противоречивыми лозунгами и методами борьбы. Это обычное явление в истории нашего движения всех стран. Печальные, роковые последствия этого явления русский анархизм испытал на себе в 1917-18 г. г. Трудовые массы, хотя и были анархически настроены, не пошли, однако, за анархистами, не пошли и не могли пойти за ними по той простой причине, что анархисты не имели одного определенного направления в революции, а также не выявили одной общей практической цели, а имели их столько, сколько было отдельных разрозненных групп. Масса же в революции не может итти различными противоречивыми путями и стремиться к различным противоречивым целям. Она поэтому не могла сгруппироваться вокруг анархистов, и последние, тем самым, были обречены на разгром и разложение

Анархисты всех стран должны учесть этот жестокий урок и не повторить ошибок русского движения. Жестокий урок лучше всяких теоретических выкладок подсказывает нам нашу ближайшую очередную задачу. Необходимо во всех странах решительно покончить с дезорганизованностью в наших рядах. Необходимо групповой, раздробленный тип организации заменить общеанархической организацией. Каков путь создания такой организации? Единственным путем ее является об'единение активного анархического элемента на почве однородной программы. Анархическая организация может быть осуществлена при осуществлении принципа единства организационной идеологии, единства тактики и коллективной ответственности. Само собой разумеется, что идеологически и тактически анархизм представляет собой движение угнетенного трудового человечества, а не человечества вообще. Под принципом коллективной ответственности разумеется непременная ответственность организации за политическую деятельность каждого своего члена и обратно — ответственность каждого члена за политическую деятельность всей общеанархической организации.

Превращение наших мелких разрозненных групп в организацию общеанархического значения является жизненной потребностью для нашего движения во всех странах, и мы призываем всех участников конгресса отдаться этой организационной работе у себя на местах.

Мы обращаем внимание конгресса еще на другую сторону дела. До последнего времени анархическое движение всюду пребывало в сфере отвлеченных лозунгов и идей. В эпоху революции этого недостаточно. Необходимо войти в сферу конструктивных проблем революции и революционного строительства; необходимо иметь определенное мнение и определенный план по всем, хотя бы важнейшим вопросам анархической революции и анархического строительства.

В заключение Группа Рус. Анарх. Заграницей познакомила конгресс с гонимым положением русских анархистов в СССР и предложила конгрессу заклеймить палаческую деятельность большевистской власти в отношении анархистов и революционных рабочих и потребовать от этой власти освобождения наших товарищей и признание за анархизмом прав на открытое свободное существование, как за движением левого революционного крыла рабочего класса».

Резолюции

Районной Конференции Огайовского Района А. Ком. Групп, состоявшейся 8-го апреля 1928 года.

На конференции присутствовали: Федеративный и Районный секретари, делегаты и гости следующих городов: Акрона, Кетройта, Клевеленда, Балтиморы и Юнгстоуна. Также были получены письменные решения и приветствия от отдаленных городов. На конференции обсуждался следующий порядок дня:

1. Доклад делегатов. 2. Отчет Районного и Федеративного секретарей. 3. О нашей дальнейшей работе. 4. О раз'ездном агитаторе. 5. Организации агитационного фонда при Федерации. 6. Об'единении Еженедельника. 7. О помощи Пол. Закл. в России («Черный Крест»). 8. О «Дело Труда». 9. О «Голос Труда». 10. Об издании книги тов. Н. Махно. 11. Наше отношение к журналу «Пробуждение». 12. Наше отношение к «Рассвету». 13. Разные.

1-2. После заслушания корреспонденций, отчета Федеративного и Районного секретарей и доклада делегатов, приступлено было к обсуждению вопросов по порядку дня.

3) О нашей дальнейшей работе.

Из заявлений с мест выясняется, что анархическое движение расширяется в среде трудовых масс. Рабочие сознают необходимост об'единения, группируясь на местах и примыкая к Федерации. Но отсутствие интеллектуальных сил, способных поставить пропаганду безвластнических идей в ново-организованных группах и вне групп, среди трудового элемента, тормозит развитие анархического движения.

Обсудив всесторонне этот вопрос, конференция рекомендует группам и отдельным товарищам содействовать об'единению рабочих; сорганизовать группы и ознакомлять их с анархическим учением. Считает необходимым устройство читальных вечеров; давать доклады по анархизму.

Также рекомендуется активным товарищам вникать в рабочие организации и в среде их проводить Анархо - Коммунистические идеи.

4-5) О раз'ездном агитаторе и организации агитационного фонда при Федерации А. К. Групп.

Из заявлений с мест видно, что русская рабочая колония нуждается в людях, способных читать лекции по анархизму. И во многих городах, где таковые люди отсутствуют, это сильно отражается на движении. Находятся такие места, где есть возможность сорганизовать новые группы, но за отсутствием способного агитатора эта возможность не реализуется, и дело не идет далее распространения анархической литературы..

Обсудив этот вопрос, конференция решила проявить более активную работу в будущем сезоне. Рекомендуется группам на местах приступить к сбору агитационного фонда при Федерации для оплачивания агитатору во время лекционного турне. Сакже рекомендуется федер. и районному секретарям выработать маршрут для об'езда лекционного турне в будущую осень. В виду позднего времени, начать лекционный тур в настоящее время.

6) Об издании еженедельника.

Издание анархического еженедельника весьма желательно. Но в виду того, что издание потребует огромных материальных расходов, которыми Федерация не располагает, и издание еженедельника не сможет продержаться долго и в то же время сильно отразится на издании «Дела Труда», который субсидируется американскими товарищами, — в виду этого Конференция решила, что издание еженедельника в С. Америке пока невозможно. Причем рекомендуется группам на месте обсудить этот вопрос, приступить к сбору денег и при первом удобном случае начать издание еженедельника.

7) О помощи Пол. Закл. в России («Черный Крест»).

В виду того, что комитет Помощи Пол. Заключенным города Детройта решил ликвидировать свою деятельность, из за сложившихся неблагоприятных условий в Детройтском районе, тормозящих деятельность Общества, Конференция рекомендует Детройтскому обществу поручить Федеративному секретарю перевод Черного Креста в другой, более удобный город для деятельности. Рекомендуется также от имени Конференции списаться с Ст. Луискими товарищами по этому делу.

8) О «Дело Труда».

Конференция считает «Дело Труда» единственным ежемесячным анархическим органом, ведущим борьбу за освобождение трудового класса. Конференция Огайовскоог Района находит нужным введение свободной трибуны на страницах «Дело Труда», для обсуждения «Проекта» Платформы и всех спорных терминов в анархизме; это также будет шагом вперед к улаживанию разлада, возникшего вокруг «Дело Труда» и тормозящего анарх. движение в С. Америке. При чем Конференция рекомендует для «Дело Труда» печатать статьи только здравомыслящей критики, не вульгарного характера.

9) О Голосе Труда.

До сего времени наше отношение к «Голосу Труда» было самое благожелательное. Всегда рекомендовалось, как в С. Штатах, так и в Канаде. Но помещенный отзыв к отдельным товарищам содействовать его распространению, как в С. Штаатх, так и в Канаде. Но помещенный отзыв в № 283 о С. Американской Федерации А. Коммунистических групп тяжело отзывается на этих отношениях.

Редакция «Голос Труда» позволила себе назвать С. Американское анархическое движение антианархическим, не поместила резолюции Федеративного С'езда А. К. Групп С. Америки, исказив факты и тем вводя в заблуждение Юж.-американских товарищей. Конференция Огайовского Района требует от Исполнительной Комиссии Ф. Р. Р. О. Ю. Америки пояснения, что она нашла в анархическом движении С. Америки и в резолюции Федеративного С'езда А. К. Групп С.-А. антианархическое? До выяснения этого дела, т. е. до ответа аргентинских товарищей и Исполнительной Комиссии Ф. Р. Р. О. Ю.-А., Конференция Огайовского Района решила оставить этот вопрос открытым...

10) Об издании книги тов. Н. Махно.

В виду того, что этот вопрос решался неоднократно, а издание трудов тов. Н. Махно необходимо, как ценный документ об анархическом движении на Юге России в революционный период. — Конференция Огайовского Района решила издать труды Н. Махно от имени Федерации. При чем конференция поручила Федеративному секретарю списаться с тов. Махно по этому делу. Если же организация «Дело Труда» находит возможным издать эту книгу в Париже, то Конференция решила субсидировать ее в этом издании. Если издание невозможно в Париже, то необходимо прислать все рукописи ф. секретарю, и мы приступим к изданию книги здесь, в Америке.

11-12) Наше отношение к журналу «Пробуждение» и газете «Рассвет».

Конференция Огайовского Района решила снять эти вопросы с порядка дня, как незаслуживающие внимания.

13) Разные.

Федеративный секретарь А. К. Групп доложил, что Бостонская группа решила присоединиться к Федерации. Районная Конференция приняла это с сочувствием и решила от имени Конференции послать приветствие Бостонской группе.

Секретарь Конференции

А. Г — в.

НЕ СОСТОЯТ БОЛЕЕ В ГРУППЕ РУСС. АНАРХ. ЗАГР.:

И. МЕТТ; — М. РАНКО.

ПЛАТФОРМА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Анархо-коммунистической группой города Лос-Анжелоса будет скоро отпечатана на англ. языке Платформа Всеобщего Союза Анархистов, изданная Группой Русских Анархистов Заграницей.

Сознавая необходимость для Америки правильной информации об организационном плане, содержащемся в Платформе, один товарищ взялся перевести Платформу с русского языка на английский. И это более чем необходимо. Последнее время в разных странах, также и у нас в Л. Анжелосе, различные противники Платформы коверкают совершенно смысл и значение ее. Особенно это практикуется в англо-американской анархической среде. Поэтому наша организация и решила издать Платформу по английски.

Всех, интересующихся обзавестись Платформой на английском языке, просим обратиться по адресу:

A. Leonov, 1108 n Bonie Beach Pl. City Ferrace
Los Angeles, Calif.

Группа анархистовъ-коммунистов г. Лос Анжелоса.

В БОЛГАРИИ

Месяц тому назад в Софии происходил процесс редактора газеты «Начало», т. Андонова. Его обвиняли на основании пресловутого закона о защите государства в распространении антигосударственной литературы. Между прочим его обвиняли в том, что он перевел на болгарский язык — Платформу из «Дела Труда», одну статью т. Малатесты и одну статью из аргентинской анархической газеты Ля Протеста. Ранее был процесс против редакции еженедельной газеты «Свободный Работник», на котором т. редактор был оправдан. Ожидалось, что т. Андонов тоже будет оправдан, но правосудие Ляпчева решило, чтобы закон защиты восторжествовал, и т. Андонов был приговорен к 5 годам тюрьмы. Когда Андонову сообщили приговор, он крикнул: «Другого приговора я от вас и не ожидал, господа судьи, лакеи фашизма». За эти слова т. Андонов был приговорен на месяц карцера.

Два месяца тому назад один товарищ приговорен на один месяц тюрьмы по обвинению в получении «Дела Труда».

ПО ПОВОДУ ОТЧЕТА ОБЩ. «РАССВЕТ»

В газ. «Рассвет» от 19-го марта с. года в опубликованном отчете Общ. «Рассвет», по проверке бывшего финансового секретаря Чикагского Отдела газ. «Рассвет» (во время издания «Рассвет» в Нью-Иорке) — С. Володькина, указывается на то, что за С. Володькиным числится 28 дол. 41 сент. общественных денег.

ПО ПОВОДУ ОТЧЕТА ОБЩ. «РАССВЕТ»

Общий приход за об'явления	375.16
Об'явители остались должны	50.00
Расход: уплочено В. Котову комиссионных	108.50
Выслано в Нью-Иорк газете	238.25
Итого в расходе	346.75
Приход	375.16
Расход	346.75
Остаток	28.41

Ревизионная комиссия: **Н. Гущин.**
Г. Сенкевич.

По заявлению Общества «Рассвет», в своем примечании к помещаемому отчету получается, что вот этот остаток 28 д. 41 с. числится за С. Володькиным.

Ревизионная Комиссия Прогрессивного Клуба считает вышеприведенный отчет Общ. «Рассвет» неверным.

Ниже приводим правильный отчет ревизионной комиссии Прог. Клуба:

Общий приход за об'явления	392.20
Об'явители остались должны	62.00

РАСХОД:

Комиссионные агенту В. К.	108.50
Выслано газете в Нью-Иорк	278.85
Итого в расходе	387.35
Приход	392.20
Расход	387.35
Остаток	4.85

Остаток, 4.85, числится за агентом В. К.

Ревизионная комиссия **И. Волков.**
К. Лукашевич.
И. Новик.

По данному отчету в Клубе сохранились документы, на основании которых Клуб считает этот вопрос поконченным.

Прогрессивный Клуб гор. Чикаго Илл.
Секретарь: **И. Новик.**

Примечание: Данный отчет был вручен газ. «Рассвет», но редакция «Рассвета» отказалась поместить таковой по тем соображениям, что у об-ва «Рассвет» не оказалось документов в подтверждении обвинения С. Володькина в недочете 28 дол. 41 с.

Видя такую несправедливость со стороны редакции и об-ва «Рассвет», Прогрессивный Клуб считает своим долгом опубликовать этот отчет во всех других русских газетах и этим снять с С. Володькина обвинение в недочете 28 дол. 41 с.

ОТЧЕТ ПО ИЗДАНИЮ КНИГИ «БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ДИКТАТУРА В СВЕТЕ АНАРХИЗМА»

ПРИХОД:

Через нью-иоркскую группу из федеративного издательского фонда (250 д.)	6314 ф. 50 с.

РАСХОД

Типограф. стоимость книги	4925 ф.
Корректура и дорожные расходы	258 ф. 75 с.
Экспедиция книги	620 ф.
Всего	5803 ф. 75 с.
Остаток от суммы, присланной на книгу, составляет	510 ф. 75 с.

Остаток этот передается в общую кассу «Дела Труда».

Отчет этой кассы будет помещен в следующем номере «Д. Тр».

Gérant: L. LORÉAL Imp. L. Beresniak, 12, rue Lagrange, Paris